

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ

Исторический очерк к 200-летию восстания декабристов

*«Военные революции быстрее достигают цели,
но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью,
а гробом свободы, именем которой совершаются».*

И.И. Горбачевский, «Запуски»

1

Что в нашей жизни накрепко связывает людей? Родственные чувства, общие желания и вкусы, взаимные интересы, стремления к единой цели, вера в грядущий успех, обоюдные беды и напасти, влияние непреодолимых, всемогущих сил?.. Нашим героям всего этого хватало с избытком. Хотя стоило им задуматься глубоко и всерьёз, многое оказалось бы весьма обманчивым и приблизительным. Но не станем их за это винить и осуждать — жизнь, как известно, полна неожиданностей...

Кстати, у большинства из них начало их жизней и судеб было вполне благополучным. Будущие декабристы Муравьёвы-Апостолы — Матвей, Сергей, Ипполит — родились и провели детство в богатом, просторном особняке в центре Москвы на Старой Басманной. Под надзором нянек, кормилиц и гувернёров. Их деды и отцы — члены высшей столичной знати, никогда не знали нужды и утеснений, будучи обласканы верховной властью.

Императрица Екатерина II пригласила Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола (отца братьев) преподавать своим внукам — Александру и Константину — русскую словесность, историю и философию. К нему был очень расположен и отец наследников — будущий император Павел I. За год до своей гибели он дал Муравьёву звание тайного советника и назначил его вице-президентом Иностранной коллегии.

И всё же это не помешало наставнику принцев примкнуть к заговору ближайших царедворцев, коварно умертвивших его благодетеля. А тайный сговор, при всей его опасности и скрытности, отнюдь не был настолько сокровенным, чтобы о нём не знал никто посторонний. И дело тут не в болтливости или недомыслии крамольников — сама личность и поступки самодержца вызывали у многих протест и нежелание его подчиняться. Жители Петербурга, нынешние и ушедшие в небытие, наверняка видели памятник Павлу I в его любимом Павловске. Фигура незадачливого, курносого монарха, неудержимо, отважно шагающего вперёд, картинно опираясь на тонкую, жидкую трость, кажется и забавной, и жалкой, и смешной...

Нужно отдать должное автору — скульптору И. Витали — при всей комичности своего героя, похожего на балетный персонаж, он вызывает снисходительную улыбку и невольное сочувствие. Царь похож на бравого Щелкунчика из сказки Гофмана, отважившегося сразиться с мышиным королём и его несметным войском. Как же мог этот маленький, обычный, ничтожный человек стать хозяином необъятной, своеобразной, самой большой в поддунном мире державы? И палачи его отнюдь не слыли могучими силачами и грозными чародеями.

Однако, они не были и полными ничтожествами. Ближайшее окружение «почившей в Бозе» императрицы Екатерины не любило Павла едва ли не с его детства. Впрочем, и сама царица не жаловала сына, так же как и его покойного отца, благодаря которому она и стала царицей. Между тем, его трагический, злоумышленный конец открыл ей путь к трону. И тридцать с лишним лет её умелого, достойного, успешного и славного правления пошли только на благо России.

Но времена изменились, и появление на вершине власти чересчур простого,aurядного повелителя, занятого в основном разбором дворцовых интриг, поиском всяческих недоброжелателей и супостатов, измельчило всё вокруг. К сожалению, всё его недолгое, суетное, склочное правление состояло в одном: изо всех сил удержаться у

кормила правления, окружив себя ореолом славы и небывалого могущества. Иногда это доходило до курьёзов...

А.С. Пушкин вспоминает семейное предание: нянька Ульяна Яковлевна, гуляя с ним в ближайшем московском парке, неожиданно оказалась на пути небольшого роста офицера в мундире, ботфортах и треуголке. Был ли он курносый — женщина не заметила. Но приблизившись, он указал пальцем на мальчика: «Сними картуз!» (Это был знак безусловного почитания). Нянька, не посмеяв ослушаться, мигом обнажила голову ребёнка. А дома мать будущего поэта Надежда Осиповна, недолго думая, пояснила, что их, скорее всего, встретил сам потешный император. Так это было или нет — сказать наверняка невозможно. Александру тогда исполнилось чуть больше года, и вряд ли сам царь, сколь эпатажен и курьёзен он ни был, заставил бы снять с малыша головной убор. Но что-то в его образе жизни и поступках заставляло людей верить чему угодно.

Однако же всем им хотелось надеяться на благополучное будущее. И как можно скорее встретить его приход. А ближайшим советникам государя стало уже невозможно. Вице-канцлер Никита Панин, генерал-губернатор Петербурга Пётр Пален, вельможи Зубовы Николай, Платон и Валериан возглавили команду бунтовщиков. К тому же все они были масонами.

Английский посол лорд Чарльз Уитворт, принимавший участие в заговоре, наверняка состоял в масонской ложе, но точных свидетельств этому нет. Самых активных деятелей смуты насчитывалось до четырнадцати душ. И более двух сотен военных и штатских с явным нетерпением ждали конца ненавистного монарха. Но будущих декабристов среди них не было.

Сыновьям Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола — Матвею исполнилось семь лет, Сергею — четыре года, а Ипполит ещё не родился. Однако их отца, тогдашнего «либерала», вполне можно зачислить в ряды скрытых крамольников. Он не участвовал в убийстве императора, ему хотелось лишь ограничить его сумасбродное правление рамками строгого закона. Верховная власть, по мнению тайного советника, непременно должна сделаться конституционной.

2

Но всё, как это случается всегда и во все времена, произошло неожиданно, сумбурно и кошмарно. Бедного Павла прикончили в Михайловском дворце, в спальне, в ночь на 12 марта 1801 года, куда вел тайный боковой вход. Автору этих строк, волей случая, однажды пришлось пройти по той узкой, извилистой, с крутыми ступенями лестнице, ведущей к месту трагедии. Но сейчас здесь горит электричество, а тогда в тусклом свете жалких масляных фонарей, тесня и пихая друг друга, молча крались четырнадцать цареубийц, подогреваемых парами и градусами недавно выпитого шампанского. Как писал Пушкин:

*Вином и злобой упоены,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.*

По воспоминаниям современников, они тем самым заранее подбадривали себя. А шампанское, скорее всего, звалось «Madame Clicquot». Но несмотря на всю решительность и жёсткие намерения заговорщиков, окончательные роли между собой они всё-таки не обозначили. Каждый, по всей видимости, подспудно надеялся на ближайшего соседа. И не все были в подпитии. Губернатор Пален и генерал Беннингсен — непосредственный предводитель злодеев — оставались в трезвом уме.

С генералом идут два брата Зубовых: князь Платон, последний любовник престарелой императрицы Екатерины II, и его брат граф Николай — мужчина внушительного роста, непомерной силы и в заметном опьянении. У дверей в царскую спальню, которой нынче нет, стоял на страже гвардеец. Николай с маху бьёт его саблей по затылку, тот падает, а за дверью их встречает камердинер, которому тоже достаётся крепкий, сокрушительный удар. А дальше — вождельные покои императора. И тут Платона Зубова неожиданно обуревают страх, и он настраивается удрать. Но Беннингсен, не теряя бдительности, бросает в лицо фавориту:

— Не думайте бежать! Поздно. Жребий брошен. Вперед! — слова, достойные генерала. И бывшему баловню судьбы ничего другого не остаётся, как нехотя подчиниться. (Кстати, в будущей войне с французами генерал Беннингсен участвует с переменным успехом: то берёт верх над самим Наполеоном, то позорно проигрывает ему).

Подойдя к постели монарха и откинув полог, которым занавешена его кровать, они находят её пустой. Платон Зубов, придя в себя, бросает:

— L'oiseau s'es envolé! (Птичка упорхнула!)

Но неумолимый генерал трогает рукой простыню и настойчиво подмечает:

— Гнездо тёплое, птичка недалеко.

Разговор идёт по-французски. Беннингсен, бывший британский подданный, так и не удосужился выучить русский. Но теперь — хочешь не хочешь — нужно ловить сбежавшую добычу. Она, в случае успеха, обрушит на них всю суровую, неумолимую кару. Начались судорожные, лихорадочные поиски.

А перетрусившего самодержца, сжавшегося в жалкий комок, они находят за каменным экраном, в ночной рубашке, но в знакомых ботфортах. Видимо, он намеревался бежать, только не успел одеться. И воспоминание об отце — Петре III, окончившим жизнь подобным же образом, теснилось в его уме.

Беглеца изымают наружу и укладывают в постель, неведомо по какой причине. А Платон Зубов достаёт из кармана бумагу — это акт отречения от престола — и убеждает царя его подписать. Но Павел, с трудом ворочая языком, лепечет:

— Нет-нет, я это не подпишу...

Зубов настаивает, переходя на ты:

— Ты больше не император. Александр наш государь!

Это заводит утратившего самообладание самодержца. Он сминая бумагу в комок и ударяет Зубова. Насильники ошеломлены. А страдалец, кое-как собравшись с духом, пытается упрекать и гневно бранить своих мучителей, и те начинают терять терпение. Один из сообщников восклицает:

— Князь! Оставьте его, — это Зубову. — Сейчас он подпишет всё что угодно, а завтра наши головы слетят!

К тому же голос у жертвы, обречённой на заклятие, становится всё громче и визгливей. Все, не сговариваясь, понимают, что пути к отступлению нет. Беннингсен вынимает из ножен саблю, Николай Зубов достаёт из кармана массивную золотую табакерку и ударяет императора в висок. Тот падает с кровати на пол. А француз-камердинер графа прыгает на живот Павлу и яростно топчет его.

*О, стыг! О, ужас наших дней!
Как звери вторглись янычары!
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.*

А. Пушкин, ода «Вольность».

Картина, конечно, гнусная и безобразная. Вельможи невольно отводят взгляды и потрясённо молчат. Никто не издаёт ни звука. И сколько минут длится это кошмарное глумление над поверженным властителем, бог весть. Наконец некий Скарятин, офицер Измайловского полка, всё-таки сдёрнул со стены шарф, висевший над кроватью императора, и прервал им мучения страдальца.

Казнь завершена, можно расходиться. Беннингсен исчез ещё до последнего вздоха Павла и никто этого не заметил. Он находился в соседней комнате со свечой в руке, внимательно разглядывая висевшие на стене картины. А за окнами стояла глубокая ночь, шёл третий час. Но, несмотря на неурочное время, было принято решение известить о случившемся сыновей усопшего.

Царевийцы во главе с графом Паленом докладывают Александру и Константину, что их дражайший родитель «внезапно скончался от апоплексического удара». Старший наследник, миглом догадавшись о деталях произошедшего, просит жену отправиться в покои своей матери — вдовы «усопшего» — и сообщить ей скорбную весть.

Услышав её, Мария Фёдоровна падает в обморок, но, быстро очнувшись и придя в себя, решительно заявляет, что теперь она — царица и правительница, поскольку в своё время была коронована. Видимо, ей вспомнились славные времена Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и её свекрови Екатерины II. Несколько часов пришлось убеждать упрямую вдову, что её «почивший в Бозе» супруг четыре года назад издал указ, согласно которому верховная власть передавалась от отца к сыну. И только. О жёнах и дочерях там нет ни слова. Тогда незадачливая царица отважилась вломиться в спальню мужа и сделала три дерзкие попытки, остервенело вопя:

— Пустите! Пустите! Пустите!..

Князь Зубов, не выдержав, сердито бросил:

— Вытащите вон эту бабу!

Один из камердинеров, взяв страдальцу в охапку, унёс её в покои, которые та опрометчиво покинула. Хочешь не хочешь, но неутешной вдове, скрепя сердце, пришлось подчиниться. И законным императором стал её старший сын Александр.

3

Наследника многострадального Павла I, неведомо по какой причине, окрестили Благословенным. Откуда и как появилось это обнадёживающее, ласковое прозвище, точно неизвестно. Вероятно, легковёрные российские обыватели, до отчаяния напу-

ганные недавним правлением романтического, сумасбродного монарха, ставшего ещё и великим магистром Мальтийского ордена, уповали на то, что его сын не будет копией отца? И, возможно, обратится в милосердного и щедрого властителя? Кто знает...

Поначалу Александр и вправду казался таковым. 24-летний самодержец, высокий, стройный, обаятельный, не курносый, в отличие от курьёзного родителя, 15 марта 1801 года издал «Манифест», в котором сообщал:

«Мы, восприемля наследственно Императорский Всероссийский Престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом НАМ врученный народ по законам и сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабуки НАШЕЙ Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой, коей память НАМ и всему отечеству вечно будет любезна».

Идя навстречу долгожданым чаяниям своих подданных, новый император в течение месяца помиловал более полутора сотен заключённых, в том числе А.Н. Радищева и А.П. Ермолова. Снял запрет на ввоз товаров и продуктов. Восстановил дворянские выборы. Разрешил вернуться на службу 12-ти тысячам военных, ранее уволенных Павлом. Освободил священников от телесных наказаний. Возвратил все денежные пособия, направленные на содержание научных учреждений. Закрыл Тайную канцелярию.

Вскоре был создан Негласный комитет во главе со знаменитым М.М. Сперанским для проведения крайне полезных реформ. Готовился «Указ о вольных хлебопашцах», проведена министерская реформа, к Московскому университету прибавились новые высшие и средние учебные заведения, предполагалось открыть знаменитый Царско-сельский лицей...

Всё это вызвало вполне ожидаемое одобрение и сочувствие. А во внешней политике Россия, будучи в союзе с Великобританией, Австрией, Турцией и Королевством обеих Сицилий представляла антифранцузскую коалицию. Ещё при Павле I в 1798 году, по просьбе австрийского императора Иосифа, главнокомандующим русско-австрийских войск был назначен А.В. Суворов (два года назад попавший в опалу, Павел подозревал его в организации бунта). Однако знаменитый переход нашего непобедимого полководца через Альпы позволил освободить северную Италию от французов. И теперь волей-неволей прежние взаимоотношения следовало продлить.

Но, судя по всему, в республиканской Франции дела продвигались не столь успешно. Бонапарт, ставший первым консулом уже пожизненно, вернулся из Египта и Сирии не с победой, а в позорном проигрыше, бросив армию. Недруги его, безусловно, ждали и успели ко многому подготовиться.

Год назад, в мае 1800 г., он покинул Париж и с частью своих сил тоже отправился в Альпы, но не пошёл путём Суворова, а выбрал более опасный и рискованный переход, которым когда-то воспользовался Ганнибал. Через Сен-Бернардский и Сен-Готардский перевалы зайдя в тыл к австрийцам.

Их военачальник барон Мелас в это время усердно поджидал резервную армию, и французы ловко обошли его, разом направившись в Милан. Там Бонапарт восставил Цизальпинскую республику, стараясь собрать в кулак все свои разрозненные силы. Но, по иронии судьбы, о движении и расположении войск противника он не имел ни малейшего представления.

А 14 июня 1800 года ранним утром у деревни Маренго, вблизи городка Алессандрии, произошло генеральное сражение, к которому французы не были готовы. Австрийцы располагали сорока пятью тысячами солдат против двадцати трёх тысяч у противника. И всё-таки Бонапарт, не сомневаясь в успехе, отправил дивизию генерала Луи Дезе отрезать путь Меласу, в случае отступления австрийцев. Тот поспешил выполнить команду.

Сражение началось. Но кроме численного превосходства, у австрийцев была большая и сильная артиллерия. Её губительный огонь начал попросту выкашивать боевые порядки французов. «Люди падали градом», — писал оставшийся в живых участник битвы. К десяти часам утра обеим воюющим сторонам стало очевидно, что французы потерпели поражение. Маренго перешло в руки австрийцев.

Бонапарт, с бледным, неподвижным лицом, худой, почти на голову ниже своих адъютантов, стоял на небольшой возвышенности, стеком ударяя по мелким камешкам, разбросанным под ногами. И потрясённо молчал. А внизу, в сотнях метров от него, в дыму и грохоте, с трудом передвигая ноги, теснилась отступающая консульская гвардия.

Австрийский полководец Мелас, видя всё это, настроился торжествовать победу. Кстати, он тоже был ранен. А поле боя было усеяно мёртвыми и ранеными телами врагов. В три часа дня он разослал повсюду курьеров с извещениями о разгроме Бонапарта и уехал в Алессандрию, приказав своим генералам преследовать остатки французской армии. Но в это время к Бонапарту прискакал гонец и сообщил, что на помощь ему стремительно движется Луи Дезе. Он услышал звуки канонады и повернул вспять

свою дивизию.

И со свежими силами французы обрушились на вражеские порядки, вовсе не ждавшие этого. Бонапарт, сбросив оцепенение, тут же отдал приказы пустить в дело артиллерию и кавалерию. Австрийцы, вконец расслабившись и никак не думая о возобновлении битвы, поддались панике и обратились в бегство. Сам Дезе отважно скакал во главе атакующей колонны, и вражеская пуля попала ему прямо в сердце. Падая с коня, он успел воскликнуть:

— C'est mort!.. (Это смерть!)

А к пяти часам полудня яростное сражение закончилось полной победой Бонапарта. Вражеская армия была полностью разгромлена. Австрийцы потеряли шесть тысяч убитыми, и свыше семи тысяч были взяты в плен. А потери французов составили более трёх тысяч.

История, как известно, не приемлет сослагательного наклонения, но битва под Маренго невольно заставляет думать: а что бы случилось, если бы не героический и спасительный демарш отважного Дезе? Бонапарт наверняка понёс бы сокрушительное поражение. Был бы убит или взят в плен. И мы бы не ведали о разноплеменном нашествии французской армии, губительном пожаре Москвы, Бородинской битве. Но всё пошло иначе.

4

Незадолго до своей бесславной, жуткой кончины о победе французов над австрийцами, давними союзниками России, узнал Павел I. Как ни странно — она его не огорчила, а скорее, обрадовала. Ведь с некоторых пор русский монарх, по слухам, с заметным любопытством и симпатией присматривался к личности неуёмного корсиканца. Особенно после того, как Бонапарт возвратил в Россию полторы тысячи русских солдат, угодивших в плен в Голландии. Ими тогда командовал британский военачальник. И мало того — всем солдатам были пошиты новые мундиры! Эта услуга оказалась по душе нашему романтическому монарху. Его занимали не военные успехи или неудачи французов, а их отношения с Британской империей.

Бонапарт, это было видно по всему, явно недолюбливал англичан. После разгрома австрийской армии её полководец Мелас отдал французам всю северную Италию. Больше того — будь противник настойчивей — он бы смог заполучить и всю Австрию, вплоть до самой Вены... Однако дурные вести из Франции заставили её первого консула спешно возвращаться в Париж. Министр полиции Фуше сообщил ему, что в столице созрел заговор. Возможно, его затеяли якобинцы...

Но, кроме подозрительного и недовольного брожения в столичных верхах, ничего существенного найти не удалось. Бонапарт ограничился тем, что сменил военного министра. Своей главной опорой и силой он считал армию. А ближайшим, основным врагом и недоброжелателем — Англию. Уже после гибели российского самодержца, в марте 1802 года, в г. Амьене был заключён мирный договор между Великобританией и Францией, более выгодный для Французской республики. Британия лишилась всех своих союзников, а её надежды на Россию оказались весьма призрачны.

А год спустя, в начале мая 1803 года, отношения между двумя странами порвались окончательно. Началась война, пока на дипломатическом уровне. Тогда Бонапарт, недолго думая, отправил в Санкт-Петербург своего лучшего дипломата Жерара Дюрока с уважительными поздравлениями по поводу восшествия на престол Александра I. Граф Панин, участник заговора против Павла, всячески препятствовал его визиту, но молодой царь настоял на своём, и встреча состоялась. И новый император и неожиданный посол, им обоим ещё не было и тридцати лет, понравились друг другу и быстро нашли общий язык. (Для Александра французский был почти родным).

Переговоры пошли вперёд безо всяких проволочек, и в начале октября, но уже в Париже, был подписан мирный договор между Российской империей и Французской пока ещё республикой. Недавний посол Англии в России Чарльз Уитворт, игравший едва ли не самую главную роль в заговоре против Павла I, а ныне бывший послом в Копенгагене, принял это известие с явным неудовольствием. Его российские «подельники»: граф Безбородко, братья Зубовы, граф Куракин, граф Панин — остались в добром здравии и, как и прежде, при дворе молодого властителя. Только Ольга Жеребцова — любовница Уитворта — уехала в Берлин, оставив свой богатый особняк в Петербурге...

По иронии судьбы, он стоял на Английской набережной, и тогдашний английский посол, открыто проживая в нём, принимал гостей. Званные вечера слыли частыми и обильными, а деньги на них отпускались его любовницей. Кошелёк у посла, увы, не слыл тугим. (Но ходили слухи, что его хозяин на диво скуп и прижимист). Там случались сходки заговорщиков, готовивших смену властителей. Об этом знали все «сливки» тогдашнего общества.

В числе прочих здесь бывал И.А. Яковлев — отец А. Герцена, которого «разбудили декабристы» (выражение В.И. Ленина). И вот что пишет сам Герцен о хозяйке «красмольного» салона: «Красавица собой, страстная и деятельная натура, избалованная положением, одарённая необыкновенным умом и мужским характером, она сделалась средоточием недовольных во время дикого и безумного царствования Павла».

А много лет спустя Пушкин заметил в своём дневнике: *«Жуковский на бале у Фикельмон (австрийский посол) поймал цареубийцу Скарятина и заставил его рассказать 11 марта»*. (Василий Львович был наставником у царевича Александра — будущего императора Александра II. И тут в зал входит его отец Николай I). Далее у Пушкина: *«И застает наставника своего сына, дружески беседующего с убийцей его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла»*.

Как вам всё это?! Мало того, что этот негодяй вовсе не скрывает своего преступления, он ещё и козыряет им и даже предъявляет главную улику! Щеголяет ею... Причём вполне открыто. Для него это некий «сувенир», который он хранил более тридцати лет!

Далее Пушкин приводит другой случай: *«Обед у австрийского посла. Разговорился об 11 марта. На бале у него был цареубийца Скарятин. Фикельмон (посол) не знал за ним этого греха. Он удивился странностям нашего общества»*.

Правда, этих странностей хватало всегда и на всех. Задолго до трагической гибели Павла и после неё. Но Амьенский мир был вскоре расторгнут, и между Россией и Францией на время установились прежние отношения, почти как при Екатерине Великой, ещё до устрашающей «якобинской революции».

5

Вопреки тому, что открытого объявления войны между Англией и Францией не было, скрытая война давно началась. Британцы бесцеремонно захватывали французские торговые суда, а неприятель в ответ запретил ввоз всех английских товаров в Европу или безжалостно уничтожал их, где только возможно. А в дипломатических кабинетах, в штабах обеих армий и в адмиралтействах уже всюду шла подготовка к настоящей войне.

И Бонапарт из первого консула Французской республики успел стать императором Наполеоном I. Церемония коронации произошла в Париже, во дворце Фонтенбло, в начале мая 1804 г. при большом стечении народа. Бывший консул взял из рук папы Пия VII корону и сам водрузил её себе на голову, тем самым демонстрируя, что он становится императором не ради религиозной церемонии, а благодаря собственным заслугам и воле народа.

Но став императором (пока ещё республики), Наполеон не оставлял планов по вторжению и захвату Британии. Англичане это понимали и старались принять меры. В апреле 1805 г. они сумели создать (не без усилий Уитворта) целую коалицию, куда вошли Россия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство и готовилась присоединиться Пруссия. Всё это именовалось «Союзной конвенцией о мерах по установлению мира в Европе». Ни больше, ни меньше. А все её участники в программных документах особо подчёркивали, что они намерены вести войну не против французского народа, а против завоевательной политики Наполеона.

И пока новоиспечённый император готовил свой флот ко вторжению на британские острова, англичане уже успели переправиться на европейский материк и в сентябре 1805 года, перейдя Рейн, ждали подхода австрийцев. А из России подтягивались войска, возглавляемые Кутузовым. Численное превосходство объединённых сил было очевидным, и Наполеон это понимал.

Прибегнув к своей привычной тактике — ускоренным маршем идти на противников, расчленив их, нанести удар за ударом и сокрушить совсем — этому он и последовал. Французы опередили австрийцев, обошли с флангов их армию и принудили сдаться. В плен было взято более двадцати тысяч солдат, артиллерия и все военные припасы. Наполеон вступил в Вену. Но туда же направлялись главные силы русских войск под командованием Кутузова, и к ним должны были присоединиться прусские и австрийские части, оставшиеся в резерве...

А французы, отпраздновав скороспелую победу, явно устали от частых, стремительных бросков и не горели желанием вступать в ожесточённую битву. Но в штаб союзной армии прибыли Александр I и австрийский император Франц II. И оба они считали, что война отнюдь не проиграна.

К тому же 21 октября 1805 года британская эскадра из 27-ми кораблей под командой адмирала Нельсона встретила у юго-западного побережья Испании вблизи мыса Трафальгар французский флот из 33-х судов под командой адмирала Вильнёва, и, не смотря на то что британский флот был изрядно потрёпан и не столь велик числом, неожиданные, умелые действия прославленного адмирала сделали невозможное. Вы-

строив свои корабли в колонну, Нельсон, вопреки тогдашним правилам, прицельным, метким огнём из всех орудий в упор расстрелял франко-испанские суда. Было повержено и потоплено 22 корабля противника и не потеряно ни одного английского.

Сам Нельсон получил смертельное ранение и погиб. Французский же адмирал Вильнёв попал в плен, но англичане, торжествуя победу, любезно возвратили его французам. Наполеон был в бешенстве и тут же решил предать адмирала военному суду. Но, будучи в заключении, не ожидая приговора, Вильнёв покончил жизнь самоубийством. А Графальгар как бы уравнил положение сторон — и французы, и британцы с союзниками понимали — тем и другим нужна громкая, оглушительная победа.

Генеральное сражение состоялось 2 декабря 1805 года вблизи деревни Аустерлиц в Моравии. Численное преимущество союзной армии казалось очевидным: против семидесяти трёх тысяч французов стояло восемьдесят пять тысяч австрийцев и русских. Англичан не было и в помине. Наполеон двое суток, на коне и пешком, осматривал местность вблизи и вдали, всюду исследуя поле будущей битвы. Казалось, он изучил его вдоль и поперёк. И понимал: предстоящая баталия для него может стать роковой и последней. Это не Маренго — там всё происходило внезапно и с налёта, а здесь требовалась продуманная, взвешенная стратегия. И противостояли ему опытные, бывалые военачальники, выигравшие не одну серьёзную битву. Австрийский генерал Вейройтер, слышавший глубоким знатоком военной теории, составил целую «диспозицию» генерального сражения. А русский генерал М. И. Кутузов был главнокомандующим.

Неугомонный корсиканец сдержал себя — здесь не должно быть никакого внезапного, ошеломительного налёта, а необходимо упорное, неумолимое удушение противника, которое поглотит его и уничтожит. И налицо будет столкновение двух враждебных миров, проверка их мощи, стойкости и отваги. А решающая, основная нагрузка ляжет на плечи, руки и ноги солдат. Вот потому накануне битвы Наполеон всё время проводил с солдатами. Сидел в кругу у жарких костров, вспоминал былые сражения. Узнавал, тепло приветствовал старых друзей-ветеранов, воздавая им должное, балагурил и острил с каждым, а ему отвечали шутками, солёными и едкими. И где бы он ни появлялся, встречали его с охотой, верой и подъёмом.

Хотя на душе у императора не было полного спокойствия, и это понятно. Бесконечно длинная декабрьская ночь чересчур медленно близилась к концу. Чуть забрезжил серый, мутный рассвет. Стал с трудом рассеиваться туман. И сквозь его густую пелену едва пробивалось скудное зимнее солнце. «Вот оно — солнце Аустерлица!» — едва ли не громогласно воскликнул Наполеон. Но точных, безусловных свидетельств этому нет. Кто знает, может, так оно и было. Хотя едва ли. Людям свойственно в какие-то роковые минуты изображать из себя прозорливцев и баловней судьбы...

6

Одно из самых впечатляющих сражений начала XIX-го века Наполеон, как известно, с блеском выиграл. И тогда, и с годами не только он, но все выдающиеся, менее выдающиеся военачальники и даже простые обыватели в Европе это отлично понимали и признавали. Невольно соглашались с этим и проигравшие судьбоносную битву. А два дня спустя после бесславного поражения австрийский император Франц II сам явился на французские аванпосты и пожелал увидеть главу победителей. Наполеон, не скрывая тщеславия, принял его и охотно пошёл на переговоры.

Царь Александр с визитом не спешил. Английский премьер Уильям Питт «умер с горя» — так писали в газетах. Но еще через пару дней было заключено перемирие, и Александр тут же последовал в Петербург. Встретили его, надо думать, без всякого обожания. Кто-то из ближайшего круга, возможно, искренне ему сочувствовал, но не более. Что ни говори, но победу одержала не монархическая Франция над исконными династиями Европы, а какой-то «ragvonus» (выскачка) с оравой бунтовщиков и проходивцев вновь взял верх над законными властителями! Разочарование и обиду верхов тогдашнего общества можно понять.

И высокопоставленные заговорщики, по сию пору окружавшие русского царя, не скрывали неудовольствия. Но с окончанием зимы и приходом весны настроение в российском обществе заметно изменилось. Наметился некий прилив патристических чувств. Аустерлиц стали считать почти случайным происшествием, а всю вину стали перекладывать на австрийцев и англичан. Это благодаря их неумелым, запоздалым, провальным действиям русская армия потерпела неудачу. А император Александр и Кутузов, вопреки всему, слыли молодцами.

Дальнейшие же отношения с противником и с союзниками приняли весьма переменчивый характер. На поверхности, казалось, всё было по-прежнему: главный враг, разумеется, Франция, а Пруссия и Англия — пособники России. Однако русский посол П.Я. Убри вел в Париже переговоры по заключению франко-русского мирного договора. Всё шло к тому, что мир, наконец-таки, наступит. Посол вернулся в Петербург,

но царь отказался подписать договор.

Оказалось: пока шли непростые переговоры в Париже, он договаривался с пруссаками о будущей войне с французами. Но М.И. Кутузов, А.Б. Куракин, Н.П. Румянцев были против этого союза. Они считали, что заключение мира с Наполеоном избавит Россию от грядущей войны. Но, вопреки всему, Александр и его ближайшее окружение настояли на своём. И в сентябре 1806 года сложилась очередная коалиция из Пруссии, Англии, России и Швеции.

А в середине октября того же года французская армия на голову разбила тяжёлую, медлительную, неповоротливую прусскую армию, обременённую обозами с провиантом и вооружениями. И в конце октября в Берлин вошёл Наполеон с развёрнутыми знамёнами и оркестром, игравшим «Марсельезу». Спустя месяц была подписана континентальная блокада, и Англия лишалась связи со всей Европой.

Но французский император, несмотря ни на что, стремился к примирению с Россией. Александр наоборот: поставив во главе полуторастотысячной армии Беннингсена — одного из убийц своего отца — отправил его в Польшу. А у её границ остановился Наполеон. И первое сражение произошло в конце декабря на реке Нарев. Французский император, как всегда, жаждал успеха, но бесконечные стычки и переходы явно утомили всю его армию.

Хотя битва была ожесточённой и яростной — ни одна из сторон не получила перевеса. Однако стойкость наших солдат поразила французов — их ни сломить, ни утратить им не удалось. А ночью под покровом темноты русские ушли, словно испарились. Ни одного пленного, ни одного знамени... И от греха подальше — Наполеон тут же вернулся в Варшаву.

Он надеялся дождаться там весны. Как закоренелого южанина, его пугали сильные морозы и большое обилие снега. Но в начале февраля 1807 года ему донесли, что русские движутся к границам Польши. И после десятидневных, изматывающих манёвров две армии сошлись близ городка Прейсиш-Эйлау (Восточная Пруссия).

В этом лютном сражении, по всем отзывам, ставшем одним из самых кровопролитных, победителей, увы, тоже не было. Наполеон, обойдя утром удручающее поле сражения, увидел лишь тела мёртвых и раненых. Русских и французов. Он знал, что за время кампаний его «великая армия» потеряла шестьдесят тысяч солдат. Было от чего предаваться скорби и отчаянию. Но французский император был ещё в силе.

7

Город Тильзит, ныне это Советск, находится в Калининградской области. Вполне современный, чистый, красивый, уютный город. А тогда, двести с лишним лет назад, это был маленький, захудалый городок с несколькими десятками деревянных домишек по обеим сторонам реки Неман. И на две недели, с конца июня по начало июля 1807 года, он стал центром внимания всего мира.

На правом берегу расположился русский самодержец с блестящей свитой и гвардией, на левом — французский император со штабом и гвардией. Ещё там присутствовал прусский король Фридрих-Вильгельм, которого всячески игнорировал Наполеон. Переговоры двух императоров шли двенадцать дней, утром и вечером, а некоторые с глазу на глаз. Содержание их осталось неизвестным даже для историков. Но общий итог всего происходящего, как видно, вполне удовлетворил обе стороны.

Больше того: воочию увидев русского монарха, «самочинный» император Франции был им очарован. Отметив его ум, обходительность, вежливость, галантность, любезность со всеми, даже не очень приятными людьми — Наполеон поставил это в укор себе. Темпераментный корсиканец не отличался сдержанностью и тактом, зато умел это видеть в других.

Мир, заключённый в Тильзите, стал союзом равноправных сторон: было определено разделение сфер — Западная и Центральная Европа отходили под опеку Франции, Восточная Европа досталась России. Обеих это устраивало. Оставалась ещё Англия — враг Франции и едва ли надёжный союзник российской империи. Но Александр взял на себя посредничество между двумя враждебными державами.

А возвратясь в Петербург, он сразу почувствовал общую антипатию двора и недовольство верхов дворянства. Пушкин годы спустя писал:

*«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда...»* и т.д.

Александрю тогда исполнилось тридцать лет, и он ещё не успел облысеть окончательно. А вот насчёт его слабостей и лукавства — тут надо хорошенько посмотреть и разобраться. Будущий наследник с раннего детства попал, как говорится, «в ножницы». Бабка Екатерина II и её злополучный сын Павел, открыто ненавидя друг друга, бесцеремонно и самочинно распоряжались его грядущей судьбой. Каждый хотел,

чтобы будущий глава престола стал его верным, всеми признанным подобием. И не жалел для этого собственных сил. А юному отпрыску не оставалось ничего другого, как старательно угождать обоим. И с годами у него многое стало получаться. И отец, и бабка были им довольны. А тут ещё вся придворная «камарилья», которая, по мере сил, пыталась подыграть ему, зная, что растёт очередной монарх, и надо ему угодить.

К сожалению, в натуре Александра не нашлось того мужества и стойкости, которые проявились у Петра I. Будучи десятилетним мальчишкой, тот видел воочию, как полупьяные, озверевшие стрельцы растерзали его деда и дядёв, чудом не убили мать и его самого, но это не сделало царевича трусливым и увёртливым. А с сыном Павла всё было иначе. Вероятно, наступили другие времена, жизнь стала менее жестокой и кровавой, хотя едва ли.

Александр почти наверняка знал, что случится с его отцом, но убеждал заговорщиков и самого себя, что незадачливый монарх сам подпишет отречение от престола и передаст его наследнику, то есть ему. Весьма сомнительный исход. Отлично зная всех сообщников, их лютую ненависть к царю и вздорный, непредсказуемый характер родителя, надеяться на то, что всё случится к обоюдному согласию, было бы чересчур наивно. Или лицемерно. Скорее всего, именно это и произошло. Вот потому и Скарятин безо всякой оглядки и страха носил с собой орудие преступления и даже похвалялся им.

Ещё не нужно забывать, что влиятельная придворная прослойка настолько умножилась, обросла угодниками и холопами, что стала заметно влиять на окружающую жизнь. Кроме обычных придворных чинов: камергеров, камер-юнкеров, гофмейстеров, шталмейстеров, церемониймейстеров и т.д., там теснилась уйма лакеев, настоящих и добровольных, с семьями и роднёй.

К тому же царский двор делился на «старый» и «новый». Во главе «старого» стояла императрица-мать Мария Фёдоровна с верным окружением. Мир, заключённый в Тильзите, слыл в их глазах постыдным, унижительным, почти святотатственным. Так считала вся родовитая аристократия во главе с графом Ростопчиным, адмиралом Шишковым и литератором Карамзиным (слово «писатель» тогда было не в моде).

Но и «новый» двор вместе с молодыми друзьями императора, тогдашними либералами, не поддержал его. Больше того, один из авторов новых реформ Новосильцев подал в отставку. Он был англоманом. Вслед за ним от царя отделились Воронцов, Строганов, Чарторыйский, а значит, весь «Негласный комитет», который осуществлял все перемены в стране.

Как известно, все они были масонами, а к каким ложам принадлежали — точно неизвестно. И всё, что касается «вольных каменщиков» — история весьма загадочная, туманная и нескончаемая. Так уж устроено человечество, что всё тайное, неведомое, запретное неудержимо влечёт многих.

Согласно общепринятой точке зрения, первые ложи появились в Англии на рубеже XVII-XVIII веков. В Россию они проникли позднее, уже при Елизавете Петровне. В 1740 году британский генерал на русской службе Джеймс Кейт основал несколько лож. Состояли в них в основном англичане. Спустя некоторое время царица (дважды!) решила провести расследование. Видимо, наличие подобных закрытых заведений внушало ей и ближайшему окружению вполне понятную обеспокоенность. Там собиравались одни мужчины. Неужто они только ужинали, пили шампанское, веселились, безудержно играли в карты и вели досужую болтовню? Можно ли этому верить?

Расследование неуклонно подтвердило: все эти сходки — «непонятны и безрассудны». А так ли было на самом деле? Уже при Екатерине Великой количество масонских лож выросло почти до сотни. И в них состояло внушительное число офицеров и просто дворян. А вскоре ложи появились и в других городах. Видимо, в этом была нужда.

8

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» после дуэли с Долоховым и ссоры с женой Пьер Безухов решил отбыть в Петербург. Добравшись до знаменитого Торжка, он остановился передохнуть на станции. И здесь у него случилась знаменательная встреча. Пожилой сосед по комнате отдыха, тоже поджидавший почтовую карету, вдруг обратился к нему:

«Имею удовольствие говорить с графом Безуховым, если я не ошибаюсь», — сказал проезжающий неторопливо и громко. Пьер молча, вопросительно смотрел через очки на своего собеседника».

Тот даже не представился ему и не счёл нужным пояснить — откуда ему всё известно? Но незамедлительно добавил:

«Я слышал про вас, — продолжал проезжающий, — и про постигшее вас, государь мой, несчастье».

И опять ни слова о том, как он это узнал? Но Безухов охотно ему внимал.

«Он помолчал, не выпуская Пьера из своего взгляда, и подвинулся на диване, приглашая этим жестом Пьера сесть подле себя».

Тот, разумеется, сел.

«Вы несчастливы, государь мой, — продолжил он, — вы молоды, я стар. Я бы желал по мере сил моих помочь вам».

Вот так номер! Мало того, что незнакомый старикан знает всю подноготную молодого соседа, он ещё готов ему помогать! Интересно бы узнать — в чём?..

«Пьер, взглянув ещё раз на руки нового знакомого ближе, рассмотрел перстень. Он увидел на нём адамову голову, знак масонства. «Позвольте мне спросить, — сказал он, — вы масон?» — «Да, я принадлежу к братству свободных каменщиков, — сказал проезжий, всё глубже вглядываясь в глаза Пьера, — и от себя, и от их имени протягиваю вам братскую руку».

Ничего себе! Едва увидев человека, толком не представившись ему, какой-то таинственный масон сразу предлагает от себя и от своих сподвижников руку. И не простую, а братскую! Героями романа «Война и мир», по замыслу Толстого, должны были стать декабристы. А большинство из них, особенно руководители — С. Трубецкой, П. Пестель, С. Муравьев-Апостол, Н. Муравьев, К. Рылеев и др. — состояли в масонских ложах, бытовавших уже не одно десятилетие. Ложа, именуемая «Чистосердечие», основана одним из убийц Павла I, генералом от кавалерии, английским подданным Л. Беннингсеном в 1775 году.

Стороннему, равнодушному человеку могло казаться, что это была какая-то безудержная забава или модная блажь власть имущих, желающих найти себе достойное развлечение. Хотя это не так. Недаром Л. Толстой довольно интригующе и подробно описал принятие в ложу одного из главных героев. Через неделю по приезде в Петербург к Пьеру Безухову явился давний знакомый, молодой польский граф, с которым они часто встречались на светских балах. Неожиданно, соблюдая явную осторожность, убедившись, что рядом нет посторонних ушей, он с ходу предложил Пьеру вступить к ним в братство. И прибавил, что его готовы принять ранее положенного срока. Ведь его рекомендовали очень влиятельные персоны. Но не сказал — кто. Согласитесь — история прямо детективная. И, тем не менее, Безухов, не раздумывая, тут же согласился.

Происходило это ещё до войны 1812 года. Царь Александр, оказавшись без поддержки своих ближайших соратников-масонов, оставил подле себя М.М. Сперанского. Но тот тоже готовился стать масоном и вступить в ложу «Полярная звезда», а в ней состояли весьма значительные люди. Женою Сперанского была дочь англиканского пастора. Близким помощником его стал Г. Батеньков — масон и будущий декабрист. Но жизнь брала своё. Хочешь не хочешь, а следовало продолжать когда-то начатые реформы. Они предусматривали всеобщее переустройство всей империи. И без опытных, знающих своё дело помощников тут не обойтись. Но где же их взять? Сперанский предложил начать воспитание будущих строителей государственной власти, именуемых чиновниками, с нижних ступеней вплоть до самого высшего ранга.

И 19-го октября 1811 г. открылся знаменитый Царскосельский лицей. При открытии присутствовал сам император Александр. Первый набор состоял из тридцати лицейцев. Предполагалось, что это будут только дети дворян. Но шестеро из них оказались «разночинцами», т.е. из обычных семей. Читать лекции и вести занятия должны были восемь профессоров и преподавателей. Одним из которых был А.П. Куницын. О нём годы спустя писал Пушкин:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

На торжестве открытия, в присутствии самого царя, в своей речи Куницын говорил лишь о воле закона и гражданских свободах, и — ни слова о милостях верховной власти и её, сидящем здесь, главе. Юные «первокурсники» — от 9-ти до 14-ти лет — мало что поняли, но недоумение, оторопь присутствующих в зале важных гостей они невольно заметили. И ждали отповеди царя. Но, как ни странно, Александр удовлетворённо улыбался, благосклонно кивая лысеющей головой. И на следующий день прислал Куницыну орден Святого Владимира. Было это следствием его слабости или лукавства — трудно сказать. А юные лицейцы, сбросив парадные одежды, самозабвенно играли в снежки.

Нелишне будет заметить — начало правления Александра похоже на финал царствования Бориса Годунова, когда началась вражда и самоуправство бояр, общее нестроение в стране, затем — нашествие польских захватчиков и Смута... Неужто он об этом помнил и выжидал?

А 12 июня (по старому стилю) 1812 года, ранним-ранним утром, ещё до восхода солнца, по трём деревянным мостам, старательно переброшенным через реку Неман, французская армия вторглась на территорию Российской империи. Накануне Наполеон, по своей всегдашней привычке, объезжая незнакомый берег, придирчиво осматривал всё вокруг. Свита, следующая за ним на почтительном расстоянии, вдруг увидела нечто странное: лошадь императора внезапно взметнулась на дыбы, а он разом рухнул навзничь! Все бросились к нему.

Наполеон лежал на земле кверху лицом. Но не был ни ранен, ни контужен. Оказывается — в ноги коню сиганул заяц. Такое случалось не однажды и у многих. Пушкин в дневнике писал, что накануне декабрьских событий, будучи в ссылке в своём Михайловском, узнав о готовящемся восстании, он оседлал коня и отправился в Петербург. Но при выезде из села дорогу ему перебежал заяц! Дурная примета. Пришлось вернуться. Слава богу, что всё обошлось.

А если бы случилось, как у французского императора? Он мог бы упасть не столь удачно. И всё же Наполеон, как вспоминали все очевидцы, сильно переживал. Конечно, не своё неожиданное падение, а то, что оно случилось накануне. А мы знаем — чего. Но, вопреки всему, император французов отправился-таки в самое пекло войны, будто предчувствуя, что добром это не закончится.

Его «великая армия», в которой французы составляли лишь половину, а ещё в ней были немцы, итальянцы, австрийцы, поляки, хорваты, испанцы, литовцы, португальцы, благополучно переправившись через Неман, нигде не встречая малейшего сопротивления, упрямо попирали бесконечные вёрсты чужой, негостеприимной земли. На следующий день был занят город Ковно, три дня спустя иноземная орда вступила в город Вильно (нынче это Вильнюс). Казалось, о досадном случае можно забыть.

Царь Александр, узнав о вторжении несметной армии, направил манифест войскам, в котором мужественно призывал: «Не нужно МНЕ напоминать вождям, полководцам и воинам НАШИМ о их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь славян. ВОИНЫ! Вы защищаете веру, Отечество, свободу! Я с вами!». А завершался он так: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве МОЁМ».

Знаменательные слова. Вряд ли они говорят о том, что их автор был слаб и лукав. Их мобилизующая, патриотическая сила и героический призыв нашли горячий отклик в сердцах всех россиян. Но и без этого вдохновляющего зова, жители огромной страны, от крепостных крестьян и до самых верхов, не щадя себя и своих жизней, сражались до конца. Пока враг не будет уничтожен. Г.Р. Державин писал:

*Веселися, царь блаженный,
Александр Благословенный,
Русская земля сильна!
Спесь мы Франции посбили,
Ей кудерки пообрили,
Убаюкана она!
Сотней тысячи сражали,
Нет храбрей нас — доказали,
Дайте чашу нам вина!*

Мы не будем вспоминать все перипетии той войны, которая получила звание Народной и Отечественной. Впервые в нашей истории. Попытаемся проследить за судьбами отдельных героев, которые родились, росли и жили в то непростое, знаменательное время.

Сергей Петрович Трубецкой — отпрыск известной княжеской фамилии, родился в Москве в 1790 году. Начальное образование, как все дети вельмож, получил дома. Ему усердно преподавали учителя гимназии, немецкий пастор, английский и французский наставники. И в шестнадцать лет юноша стал вольнослушателем Московского университета. А закончил образование в Париже. И два года спустя, окончательно возмужав, служебную карьеру решил начать в армии. При вступлении получил чин подпрапорщика, потом прапорщика, а с началом войны 1812 г. стал подпоручиком.

Павел Иванович Пестель (Пауль Бурхард) родился в 1793 году в немецкой семье, в Петербурге. Его прадед прибыл в Россию при Петре I. Семья была и осталась лютеранской. Её глава возглавлял почтовую службу Российской империи, по заданию тайной полиции умело вскрывая депеши и письма, затем стал генерал-губернатором Сибири. Павел (старший сын) вначале получил домашнее образование, а в двенадцать лет его отправили в Дрезден, на выучку к тамошнему профессору Г. Зейделю. С ним он прошёл гимназический курс и в семнадцать лет вернулся в Петербург. Поступил в

Пажеский корпус, сразу в выпускной класс. Диплом ему выдал сам Александр I. А перед началом Отечественной войны Пестеля направили в Литовский лейб-гвардейский полк в чине прапорщика.

Кондратий Фёдорович Рылеев родился в 1795 году в селе Батово Гатчинского уезда Санкт-Петербургской губернии. Отец — мелкопоместный дворянин, отставной бригадир, неумеренно пьющий, скандалист и тиран. Сын его домашнего образования не получил, но с шести лет был принят в Санкт-Петербургский кадетский корпус. Учёбу закончил в 1814 году. Там же начал писать стихи. А в войне с французами участвовал уже за пределами России.

Сергей Иванович Муравьев-Апостол, как известно, средний сын Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, одного из ближайших вельмож правления Екатерины II и Павла I. Родился он в 1795 г. во Франции и начал учёбу во французском пансионе, а в 1809 г. семья вернулась в Россию. В пятнадцать лет юношу приняли в недавно открытое Высшее училище инженеров путей сообщения вместе со старшим братом Матвеем. А первые дни войны 1812 г. он встретил в г. Малоярославце, при главном штабе армии. И первое сражение, в котором ему довелось участвовать, произошло под селом Красным. За него он получил золотую шпагу «за храбрость».

Матвей Иванович Муравьев-Апостол (старший брат Сергея) в 1811 г. стал подпорщиком лейб-гвардии Семёновского полка. В Отечественной войне участвовал с её начала. За отвагу в Бородинском сражении награждён Георгиевским крестом. Достоин претерпел все заграничные походы и в 1814 году вернулся в Россию.

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин — сын надворного советника. Родился в 1801 г. в селе Кудрешки Нижегородской губернии. Получил домашнее образование, потом слушал лекции в Московском университете. В 1818 году ему вручили аттестат с оценками «хорошо» и «очень хорошо», что давало право для поступления на гражданскую службу. Но Михаил предпочёл стать военным. Юнкером Кавалергардского полка. В войне 1812 г., естественно, не мог участвовать.

Пётр Григорьевич Каховский — сын обедневшего дворянина. Появился на свет в селе Преображенском Смоленской губернии в 1797 году. Домашнего образования не получил, но стал воспитанником пансиона при Московском университете. Нашествие французов пережил в Москве и в 1816 г. поступил в лейб-гвардейский егерский полк. А через полгода за всякого рода проделки и нарушения по службе разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ.

10

К Пьеру Безухову — одному из главных героев романа Льва Толстого «Война и мир», как мы помним, обратился знакомый польский граф с предложением вступить в масонскую ложу. Располагалась она в большом особняке. Поляк граф Вилларский провёл его в дом по тёмной лестнице, потом они вошли в небольшую, слабо освещённую прихожую. Сняли там шубы и проследовали в комнату, где находился человек в странном одеянии. Вилларский подошёл к нему и что-то тихо сказал по-французски. Тот молча кивнул. Тогда поляк подошёл к небольшому шкафу.

«Взяв из шкафа платок, Вилларский наложил его на глаза Пьеру и завязал узлом сзади. Потом притянул его к себе, поцеловал и, взяв за руку, повёл куда-то».

Через десять шагов они остановились. Вилларский пояснил:

«Что бы ни случилось с вами, — сказал он, — вы должны с мужеством переносить всё, ежели вы твёрдо решились ступить в наше братство». Пьер утвердительно отвечал наклоном головы».

И как вам всё это? Да неужели всё произошедшее было случайным и непреднамеренным?! А Пьер, тем не менее, был готов ко всему.

«Когда вы услышите стук в двери, вы развяжете себе глаза, — прибавил Вилларский, — желаю вам мужества и успеха, — и, пожав руку Пьеру, Вилларский вышел».

А дальше началась откровенная мистика. С крепко завязанными глазами, стоя, как манекен, и проведя в одиночестве какое-то время, казавшееся Пьеру часами, он, наконец, услышал громкий стук в дверь. Снял повязку. В комнате было темным-темно, но поодаль стоял большой чёрный стол, и на нём лежал человеческий череп, в котором горела лампада. Пьер подошёл и увидел раскрытое Евангелие. Прочёл первые слова: «Вначале бе слово, и слово бе к Богу». Потом взгляд его привлёк открытый ящик, стоявший сбоку. Это был гроб с костями (вероятно, человеческими). Ну и ну! Куда Пьер угодил? В капище колдунов или становище разбойников? Зачем тут череп и кости? Что всё сие означает?

Отворилась дверь, и кто-то вошёл. Пьер пригляделся: это был невысокий человек в белом кожаном фартуке и перчатках, шею его украшало ожерелье и высокое, тоже белое, жабо. (Как на известном портрете М.М. Сперанского).

«Для чего вы пришли сюда? — спросил вошедший, по шороху, сделанному Пьером,

обращаясь в его сторону. — Для чего вы, не верующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы от нас? Премудрости, добродетели, просвещения?»

Вот так поворот! Оказывается, здесь сосредоточилось тайное вместилище самых высоких людских устремлений. И только в нём жаждущий истины и света человек может найти понимание и поддержку. Получив от Пьера клятву в том, что он готов искать премудрость и добродетель, человек в белом фартуке — это был «ритор» (масон, готовящий нового члена ко вступлению в ложу) — сложил руки на груди и сказал:

«Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся исправить и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели, и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире».

Будто бы ничего преступного и противозаконного. Совсем наоборот — новообращённому члену не обещают никаких благ и привилегий, он лишь должен следовать примеру своих наставников и быть скромным. Строго повиноваться высшим членам ордена. Свято блюсти его тайны. Стать добронравным. Иметь любовь к человечеству. Крепить в себе мужество. Щедрость. И (!?) любовь к смерти.

В какую ложу вступил Пьер Безухов, мы не знаем. Но всё происходило в Петербурге, и там этих лож насчитывались десятки. Ещё до Отечественной войны 1812 года. А после её окончания и нашей блестящей победы в Россию вернулись тысячи бывалых, многое повидавших офицеров. Кроме почётных и заслуженных наград, они привезли с собой модные на Западе идеи.

Один из кумиров юного Пушкина, которому он посвятил не одно стихотворение, П. Чаадаев, служа лейб-гусаром и участвуя в той войне, в 1814 году в Кракове вступил в масонскую ложу. А возвратясь в Петербург, стал членом ложи «Соединённые друзья» в звании «великого герольда».

Некоторые из русских офицеров, будучи в Пруссии, она была нашей верной союзницей в той славной войне, сблизилась с членами тамошнего «Тугендбунда» («Союза добродетелей»). И масонские ложи расплодились повсюду.

Сергей Петрович Трубецкой достойно прошёл всю войну и закончил её в звании полковника. Тогда его грела мысль о том, что «эпоха самостоятельности настала. Оставалось вкушать плодов этого положения». В 1816 г. он вернулся на родину и вступил в масонскую ложу «Трёх добродетелей». Где она находилась и как происходила сама процедура приёма — об этом неизвестно. И почему, три добродетели, а не семь, как указывалось Безухову? С остальными можно «погодить» или вовсе забыть?

Павел Иванович Пестель закончил войну тоже в чине полковника, участвовал в Бородинском сражении, получив в награду золотую шпагу «За храбрость». А в масонскую ложу «Соединённые друзья» вступил ещё перед войной. (Трубецкой писал, что «он имел пристрастие к формам масонским»). И после её окончания в 1816 г. перешёл в ложу «Трёх добродетелей». А проживая в Кишинёве, вступил в ложу «Овидий», куда вступил и Пушкин. Но после событий декабря 1825 года при дотошном обыске у Пестеля нашли описание приёма в шотландскую ложу «Сфинкс» и знаки её высших степеней. Но членство в ней он отрицал. Странная прихоть, не находите? Чего ради полковник вступает то в одну, то в другую тайную организацию? Ради лихой забавы?

Кондратий Рылеев вступил в ложу «Пламенеющая звезда» сразу по приезде в Петербург в 1820 году. В ней состояли пятьдесят два немца и трое русских, он был одним из них. И все разговоры велись по-немецки, а Кондратий Фёдорович немецкий язык знал не слишком хорошо, хотя мать его была немкой (правда, обрусевшей). Пришлось подучиться.

Сергей Муравьёв-Апостол с началом войны 1812 г. перешёл из инженеров путей сообщения в действующую армию в чине прапорщика. При сражении под Березиной, когда отступающие французы из последних сил яростно отбивались, он показал себя. Потом доблестно сражался за границу в Пруссии и Париже. В Россию вернулся в 1815 г. поручиком лейб-гвардии Семёновского полка. В ложу «Трёх добродетелей» вступил в начале 1817 г. Его старший брат Матвей Муравьёв-Апостол в 1816 г. вступил в масонскую ложу «Соединённые друзья».

Любопытная картина, не правда ли? Лев Толстой в описании того, как Пьера Безухова принимали в неведомую ложу (возможно, классик запечатлел собственные переживания. Кстати, он и сам куда-то вступил, но в какую ложу — неизвестно), сообщает подробности, которые кажутся чересчур таинственными, возвышенными и абстрактными, а где же бытовые, конкретные, житейские детали? Без них не только читатель, но и адепт, желающий вступить туда, вряд ли что-то примет и поймёт.

Но не спешите. Наш классик скрупулёзно представил картину того, как всё это делалось. Получив от Пьера клятву, что он готов ко всему, ритор вновь, крепко завязав ему глаза, куда-то его повёл. Но не будем утомлять читателей описанием всех нелепых, изошрённых передраг, пережитых героем. С ним проделали массу процедур, должных

унизить и деморализовать его. Но Безухов всё претерпел. (Говоря современным языком, он прошёл «тренинг личностного роста»). И наконец услышал не один, а с десяток голосов, провозгласивших: «Sic transit gloria mundi!» (Так проходит земная слава!)

С него сняли повязку, и Пьер увидел длинный стол, покрытый чёрной скатертью, за которым сидели двенадцать мужчин. И это тоже неспроста. Почти как двенадцать апостолов. Кое-кого он узнал. Справа от председателя — довольно молодого человека — сидел аббат-итальянец, которого Безухов не однажды видел в салоне Анны Павловны Шерер (не графиню ли Жеребцову имел ввиду Толстой?). Был ещё один важный сановник (уж не Сперанский ли?) и швейцарец-гувернёр, служивший в доме Курагиных (конечно же, Куракиных).

Очень любопытен финал всего происходившего: «Великий мастер предложил исполнить последнюю обязанность, и важный сановник, который носил звание собирателя милостыни, стал обходить братьев. Пьеру хотелось записать в лист милости все деньги, которые у него были, но он боялся этим выказать гордость и записал столько, сколько записывали другие. Заседание было кончено, и по возвращении домой Пьеру казалось, что он приехал из какого-то дальнего путешествия, где он провёл десятки лет, совершенно изменился и отстал от прежнего порядка и привычек жизни».

Оказывается, на подобных «заседаниях» не только ломали психику новоявленного «брата», целиком подчиняя его, но и демонстративно опорожняли кошелек. А простодушие и наивность толстовского героя достойны удивления. Была ли это ложа «Соединённых друзей», «Трёх добродетелей», «Пламенеющая звезда», «Овидий», «Любовь к истине» и т.д., бог весть. Но именно отсюда берут своё начало декабристы.

С. Трубецкой вспоминал: «Масонские формы, введённые в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действия общества и вводили какую-то таинственность, которая была противна характерам большей части членов». Однако приходилось терпеть.

11

*Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И гревные права граждан.*

Так писал Рылеев в своей Думе «Дмитрий Донской». Личность её героя и время действия памяты всем русским: и тогда, и сейчас. Князь бился за свободу Руси, громя татаро-монгольских завоевателей. А во время событий 1812 г., как сказали бы наши современники, «это было очень актуально». И поэт, помня всё и желая видеть соотечественников свободными, стремился их вдохновить. Но о каких «древних правах граждан» шла речь? И почему они «залог блаженства чуждых стран»? Где и когда были эти «права»?

Рылеев, как известно, захватил конец Отечественной войны, участвуя в ней за границей. Воевал в Польше, Саксонии, Баварии, Франции. Наверняка зная, что такое Liberte, Egalite, Fraternite (Свобода, Равенство, Братство). А по возвращении на родину полк, в котором он служил, направили в городок Острогжск Воронежской губернии. Рылеев провёл там четыре вполне счастливых года. Увидел и восхитился рекою Дон. Писал стихи. Сблизился с тамошним помещиком Тевяшёвым, полюбил его дочь и вскоре женился. В звании подпоручика артиллерии вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург. Был принят на службу заседателем в уголовную палату, а затем вступил в масонскую ложу «Пламенеющая звезда». Хотя большинство его «собратьев» были немцами, Рылеев довольно быстро стал в ней «мастером». Значит, занял высокую ступень. (Но не стал «собирателем милостыни»).

И дела по службе шли у Рылеева довольно успешно. Заседая в суде, будучи честным и смелым, он вёл упорную борьбу со злоупотреблениями и нарушениями, которых хватало с лихвой. И частенько одерживал победы. А пребывание в «Пламенеющей звезде»? Как ему удавалось всё это совмещать? Впрочем, не один Рылеев отличался такими способностями. С.П. Трубецкой, член ложи «Трёх добродетелей», исправно неся военную службу, в том же 1816 году стал одним из основателей «Союза спасения». Произошло это в начале февраля на квартире у братьев Муравьёвых (Матвея и Сергея).

Вот что пишет И. Якушкин, тоже бывший там: «Приехали Александр и Никита Муравьёвы с предложением составить тайное общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе». Однако идею никто не поддержал. Разгорелся спор. Наконец все пришли к тому, что целью общества должно быть не противоборство с кем-то, а «благо России». На том и порешили.

Но «Союз спасения» не представлял собой чисто масонскую общину, это было — общество истинных и верных сынов Отечества — так значилось в его уставе. Через

год в нём состояло до тридцати членов и среди них П. Пестель, князь И. Долгоруков, великий князь П. Лопухин, князь Ф. Шаховской, Ф. Глинка, И. Пущин (лицейский друг Пушкина) и др. По правде говоря, их соединяла не идейная близость, а скорее родственные и дружеские связи.

Но структура организации всё-таки чем-то напоминала масонскую: внизу находились «братья» (т.е. не знавшие целей), выше стояли «мужи» (цели знавшие), а наверху — «бояре» (руководящая верхушка). Знатоки замечали — это очень напоминало «Тугендбунд» или «Орден иллюминатов».

И хотя царь не оставлял мысли упразднить крепостное право, однако же и среди членов «Союза спасения» у него не было поддержки. Большинство упорно думало, «что он ищет только личной славы, нежели блага своих подданных» (С.П. Трубецкой). А когда в начале 1817 г. Александр I спешно уехал в Варшаву, намереваясь из неё прислать указ об освобождении крестьян, то тут же загуляли слухи, что российский монарх, люто ненавидя и презирая Россию, явно намерен перенести туда столицу империи! И в горячих головах мигом родились нетерпеливые желания устранить его. Как у Пушкина:

*Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи:
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи...
Читал свои нозли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

Беспокойный Никита — Никита Муравьев, а осторожный Илья — Илья Долгоруков. Иван же Якушкин, по слухам, хотел убить царя не ударом кинжала, а застрелить его из пистолета, когда тот будет выходить из Успенского собора Кремля. И выстрелом из второго пистолета убить себя. Вот такие зрели планы. Но присутствие там Пушкина маловероятно.

Эти шумные, дружеские «посиделки» (сейчас они звались бы «тусовками» или «междусобойчиками») вряд ли были чем-то серьёзным. Но существовал устав «Союза спасения», а Никита с Ильёй являлись одними из его авторов. Союз вербовал новых «братьев». Вскоре их набралось до двух сотен. Время от времени «мужи» и «бояре» собирались тесным кружком.

Когда в октябре 1817 г. Александр I возвратился из Варшавы в Москву на празднование пятилетия победы 1812 года, именно тогда у главных крамольников созрела идея убрать монарха. Точно неизвестно — где и как сходились заговорщики. Возможно, у беспокойного Никиты. Не исключено, что их принимал осторожный Илья. А Пушкин мог, хотя навряд ли там читать:

*Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.*

Но мог читать и что-то покруче:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу.*

*Читают на твоём челе
Печать проклятия народы.
Ты ужас мира, стыд природы.
Упрёк ты богу на земле.*

Оду «Вольность» Пушкин написал в 1817 г., то есть в восемнадцать лет. «Старик Державин, сходя во гроб» благословивший юного поэта, вряд ли пришёл бы в восторг, прочтя эти строки. Но сказано сильно, хлётко, образно... К счастью, Александр не повторил горькую судьбу своего злосчастного отца. И деспотом он не был. И после его смерти в стихотворении «19 октября» поэт напишет:

*Ура, наш царь! Так выпьем за царя.
Он человек. Им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.*

И, честно говоря, неправых гонений почти не было. Сослать самого Пушкина вначале на юг, а потом в Михайловское, по тогдашним правовым устоям, было за что: он не скрывал своего безудержного вольнодумства и бунтарства, не колеблясь, явно бравируя, признавался в атеизме. Словом, подрывал самые основы тогдашнего бытия. А пребывание в своём родовом имении было не столь уж жестоким и тягостным. Это ведь не Камчатка и Магадан. Полицейский надзор за ним осуществляли его родной отец и настоятель Святогорского монастыря.

12

После многих споров, раздоров, непримиримых словесных баталий в январе 1818 года «Союз спасения», просуществовав около года, превратился в «Союз благоденствия». Удивительная метаморфоза, не правда ли? Как будто бы спасти стало некого и нечего, а следовало лишь заняться благими делами. Был написан новый устав, но среди его авторов остались знакомые лица: С. Трубецкой, Н. Муравьев, А. Муравьев и др.

Кстати, новый союз имел и второе название — «Общество зелёной книги». Почему зелёной? Устав и основные положения союза записали в сборник, имевший зелёную обложку. Их было два. Главные цели, которые ставили перед собой участники: широкое распространение просвещения, улучшение нравственности молодых людей, занятие гражданских должностей. А цель отдалённая — достичь конституционного правления в государстве и отмены крепостного права.

Всякий, вступающий в «Союз», лишь однажды, в минуты приёма, держал «Зелёную книгу» в руках. Но для прочтения её не выдавали, и большинству принятых даже не было известно о главных целях организации. Опять сходство с масонской ложей. Организаторы, возможно, боялись репрессий со стороны власти, но, как известно, сам император Александр и его братья Константин и Николай читали «Зелёную книгу». Последний это признавал.

В октябре 1820 г. произошло восстание лейб-гвардии Семёновского полка. По распоряжению ближайшего помощника царя генерала Аракчеева в нём сменили командира — генерала Потёмкина, прошедшего с полком всю войну, очень уважаемого и любимого солдатами. Новый командир полковник Шварц всячески унижал подчинённых, подвергал их телесным наказаниям, таскал за усы и бакенбарды, плевал в лицо. Солдаты отказались ему подчиняться. Их посадили в Петропавловскую крепость. Но, к несчастью, полк был самым привилегированным — и об этом узнала вся столица.

Рылеев написал оду «К временщику»:

*Нагменный временщик, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный.
Неистовый тиран страны родной своей,
Внесённый в важный сан пронырствами злодей...*

Ода увидела свет в журнале «Невский зритель» и была подписана полным именем автора (впервые) вместо инициалов. Её «героя», разумеется, все узнали, а журнал вскоре закрыли. Всех же солдат, строго наказав, раскидали по разным частям. Офицеров штрафного полка, понизив в чинах, определили в действующую армию. Среди них были братья Муравьевы-Апостолы Матвей и Сергей, Михаил Бестужев-Рюмин.

Но «Союз благоденствия» в составе около двух сотен членов продолжал существовать и даже расширялся. Кроме Петербурга и Москвы, появились управы в провинциальных городах: Кишинёве, Нижнем Новгороде, Тамбове, Полтаве, Тульчине. Во главе «Союза» стояла «Дума» из шести человек и «Коренная управа» из тридцати. В январе 1821 г. в Москве, в усадьбе одного из членов «Союза» М.А. Фонвизина состоялся съезд участников. На съезд прибыло всего десять человек, наверняка самых важных. И на первом же заседании весьма уважаемый, известный всей стране генерал, герой войны М.Ф. Орлов предложил создать тайную типографию и фабрику фальшивых денежных купюр! Но его почему-то ни один из делегатов не поддержал и кое-кто даже осудил. Генерал разгневался и тут же решил выйти из «Союза»! Никто не стал его удерживать.

А на следующий день участники пристрастно обсуждали предполагаемую правительственную слежку, которая за ними велась. Наверняка среди членов оказались доносчики. С этим все были согласны. Но как их выявить? (А «стукачом» был член «Коренной управы» М. Грибовский — библиотекарь Гвардейского Генерального штаба, друг Ф. Глинки). Не лучше ли распустить «Союз», хотя бы формально, и ненадёжных членов поскорее удалить? Никто не возражал. И тогда был написан новый устав: часть первая — как в «Зелёной книге», а часть вторая — для членов «высшего разряда».

Именно в ней, наконец-таки, обозначились и главные цели: ограничить самодержавие в России, для чего «задействовать войска и готовить их к перевороту»! Она была написана в четырёх экземплярах и подписана всеми участниками. А те, кому её вручили, должны были разъехаться по своим полкам и тайком рассказать доверенным подчинённым о грядущих событиях.

13

Павел Пестель, будучи членом «Коренной управы» «Союза благоденствия», на съезде не был. Но узнав о мнимом роспуске Союза, решил создать другой и приступил к задуманному. Решительный, бескомпромиссный, волевой, он почти не сомневался в успехе, зная заранее, что его тщательно продуманные планы не встретят противодействия. Он возьмётся за дело по окончании правительственной командировки в Кишинёв.

И, волей случая, там же оказался Пушкин, отбывая первую ссылку. Они наверняка не случайно встретились. (Не в масонской ли ложе «Овидий»?) Поэт записал в дневнике: «Утро я провёл с Пестелем. Умный человек во всём смысле этого слова». Через пару недель Пушкину должно было стукнуть двадцать два года, а Пестель был шестью годами старше. Спустя два месяца ему исполнилось двадцать восемь. И это имело значение. Но по отзывам знакомых, поэту собеседник «не понравился, и, несмотря на его ум, он никогда не смог бы с ним сблизиться». Более того, на обеде у генерала М.Ф. Орлова, где среди гостей был Пестель, Пушкин задал ему каверзный вопрос: «Не родня ли вы сибирскому злодею?»

Все присутствующие знали, какая дурная слава гуляет об отце полковника, бывшего генерал-губернатором Сибири. Эти язвительные слова могли поэту «выйти боком», не исключена была бы и дуэль. Но генерал сумел обратить всё в шутку, обед закончился миром. И в ноябре 1821 г. Пестель был назначен командовать Вятским полком, который располагался под г. Тульчиным.

А спустя полгода в Черниговский полк, в трёхстах верстах от Тульчина, были направлены братья Муравьёвы-Апостолы. И вскоре там же оказался Бестужев-Рюмин. Ну как тут не создать тайную организацию? В руки Пестеля, казалось, плыла удача!

Дело стало за малым: подготовить свой собственный устав, придумать название нового сообщества, активно привлечь в него отважных, деятельных сотрудников. А формы конспирации и методы вербовки достойных членов его главе — полковнику Пестелю — были не в новинку. Ведь недаром он обошёл столько масонских лож. Не из праздного же любопытства!

Так в конце 1821 г. возникло «Южное общество». От недавнего «Союза благоденствия» оно отличалось своей решительностью и напором. Главная цель: насильственное изменение образа правления (значит — революция или переворот). Как только число всех сообщников представит собою силу, способную это совершить — настанет время действовать.

И первую Пестеля был написан проект постановлений, названных «Русской правдой». Это был прямой, открытый вызов тогдашнему законоуложению — ведь «Русской правдой», как мы помним, именовался свод законов, изданных князем Ярославом Мудрым. Он просуществовал вплоть до XVI века.

Многие члены общества поддержали автора, но С. Трубецкой и Н. Муравьёв были откровенно против. В головах у них появился замысел создать свой союз, назвав его иначе. И не в противовес «Южному», а должный воплотить иные идеи, не столь категоричные и разрушительные. Пестель возражал. Однако согласился поддерживать отношения и обмениваться необходимой информацией.

И в конце 1822 г. в Петербурге образовалось «Северное общество», возглавляла его «Верховная дума» из трёх человек. Вначале это были Н. Муравьёв, Н. Тургенев и Е. Оболенский. Затем их сменили С. Трубецкой, К. Рылеев и А. Одоевский. А все рядовые члены общества делились на «убеждённых» (полноправных) и «согласных» (неполноправных). Странный расклад, не так ли? Убеждённые и полноправные в чём? В несогласии с правящим режимом? А где граница этого убеждения? Непонятно.

А согласные? В чём их согласие? И с кем? С «Верховной думой» или с нынешней властью? Как это понимать? Однако же все прежние установки остались нерушимыми. И почему-то любое объединение или союз по-прежнему никак не могли отойти от привычного масонского расклада. Что за странная прихоть?

Рылеев в думе «Борис Годунов» писал:

*Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его народу.
Лишь одному злодейству буду враг,
Всем дам законную свободу.*

Так, по его мнению, думал Годунов, взойдя на престол. Вероятно, так же мог думать и Александр I после гибели отца. Но вряд ли царь Борис мечтал о подобных вещах: ведь именно его указом было узаконено крепостное право (24 ноября 1597г. указ об «урочных летах»). До этого указа крестьянин мог перейти от одного помещика к другому, теперь это стало невозможным. Отныне все крестьянские семьи оказались в вечной кабале. Где же та «законная свобода»? И могли ли о ней «мнить» оба царя?..

Ещё в думе «Дмитрий Донской» Рылеев вспоминал о «святой праотцев свободе и древних правах граждан». И когда же была жива эта пресловутая свобода вкупе с древними правами граждан? Существовали ли они вообще? Но вопреки всему, поэт свято верует, что они были. И его герой Наливайко горько восклицает:

*Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На угнетателей народа.
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв ископлена свобода?*

Дмитрий Донской бьётся за свободу Руси против татаро-монгольского ига, Наливайко готов отдать жизнь за избавление своих земляков от жестокой кабалы польских панов, а к чему призывает своих сторонников поэт? Какие жертвы они должны принести и за что?

14

Основав «Южное общество», Павел Пестель, в отличие от «северян», не пытается поделить его членов на разряды. Здесь нет ни «убеждённых», ни «согласных». Видимо, пребывание в масонских ложах разного толка чему-то его научило. Стоит ли создавать из своих сподвижников какие-то «слоёные пироги»? Может ли это помочь делу?

Его «Русская правда» должна была представлять из себя десять глав, но сохранились только пять: глава первая — «О земельном пространстве», вторая — «О племенах, Россию населяющих», третья — «О сословиях, в России обитающих», четвёртая — «О народе в политическом отношении», пятая — «О народе в гражданском отношении». Ещё пять глав остались неизвестными: то ли навсегда утрачены, то ли надёжно скрыты, то ли вовсе не были написаны. Ведь ожидаемый мятеж, бунт или революция, а без них смена тогдашней власти, по мысли автора, была бы попросту невозможна — должен случиться где-то в будущем. И когда это произойдёт — не мог знать и сам Пестель, вопреки уму и дальновидности.

Но страна после неминуемого свержения монархической власти обязана обратиться в республику. Верховную власть будет представлять «Народное вече» в составе пятисот человек. Исполнительную власть составят пятеро членов сроком на пять лет. А контрольную власть предполагалось избрать пожизненно в составе ста двадцати человек. Новой же столицей народной республики станет Нижний Новгород, будучи переименованным во Владимир, а старый Владимир назовётся «Клязминым», поскольку стоит на реке Клязьма... А главное — «Русская правда» гарантировала полную отмену крепостного права. Однако в земельном вопросе Пестель всё-таки искал компромиссы. Отдать всю пахотную землю крестьянам безо всякого выкупа — об этом не могло быть и речи. Вся земля делилась пополам: одна половина переходила в общинную собственность, другая — в частную. А помещичьи угодья могли сдаваться в аренду будущим фермерам.

Вот основные правила, формирующие новое государство: равенство всех граждан перед законом; избирательное право для всего мужского населения с двадцатилетнего возраста (о женщинах никто и не думал); свобода слова, печати, вероисповедания, передвижения; неприкосновенность личности и жилища; введение нового суда, равно для всех. Словом, как отметили бы и наши современники, это вполне приемлемое, справедливое законодательство, за исключением «земельного вопроса» и дискриминации женщин. Но для того времени и монархической власти это казалось крушением всех основ.

Между тем, «Северное общество» было куда умереннее и сговорчивей «Южного». По планам его «Верховной думы», Российская империя должна стать конституционной монархией и разделиться на пятнадцать «держав» (областей). Высшая власть в совокупности представляет собой триединство: законодательную, исполнительную и судебную. Во главе стоит «Народное вече» из двух палат — «Верховной думы» и «Палаты народных представителей». В «державах» избираются «державные вече».

Главой исполнительной власти по-прежнему остаётся император, он же верховный главнокомандующий и «первый государственный чиновник» с самым большим жалованием и возможностью содержать двор. Крепостное право отменяется, но помещичьи владения остаются за бывшими хозяевами. Крестьяне же получают по две десятины пахотной земли. Но все граждане перед законом равны. И свобода слова, печати, вероисповеданий.

Правда, среди «убеждённых» членов нашлись несогласные — К. Рылеев, А. Бестужев, Е. Оболенский, И. Пущин. Они во многом разделяли положения «Русской правды» П. Пестеля. Особенно упорствовал Рылеев — тогда он уже стоял во главе канцеля-

рии Российско-американской компании и мечтал создать в родной стране республику по образцу американских Соединённых Штатов. (Между прочим, у него в наличии было десять акций этой компании, а у Александра I их насчитывалось двадцать).

Царь ко многому охладел. Помимо всех государственных проблем и забот, у него «хромала» личная жизнь. Царевича женили в шестнадцать лет — его избранница Луиза Мария Августа, дочь маркграфа Баденского, была на два года младше жениха. Ей он наверняка очень нравился — высокий, стройный, голубоглазый блондин — Александр кружил головы очень многим женщинам. А если учесть, что это был будущий правитель огромной империи — было от чего терять головы! Однако семейная жизнь у юной пары пошла наперекосяк.

Как и почему — об этом можно только гадать. И что-то наверняка таилось в переменичивой, нестойкой натуре молодого супруга. А противоречивые, неустанные и строгие требования его бабки Екатерины и отца Павла с детства надломали его. Ему хотелось угодить и нравиться, если не всем, то многим. Только среди близких и тесного окружения были чересчур разные люди, со взаимоисключающими запросами и характерами. Попробуй — приноровись к каждому.

Наполеон говорил, что Александр — хороший актёр, а Пушкин писал: «*В противочувствиях привычен, в лице и жизни арлекин*». Но благодаря умению держаться и привлекательной внешности он смог очаровать многих. А кое-кто был рад его оправдать и готов им искренне восхищаться. Но с супругой ему не повезло. У них родились лишь две дочери, и обе рано скончались.

Второй его брат Константин, вздорный, запальчивый, курносый, как их родитель (нос у него был меньше отцовского, не нос, а пипка), ничего кроме неприязни и антипатии ни у кого не вызывал. Даже Екатерина II, заботливо опекавшая внуков, вряд ли могла что-либо сотворить из него, хотя возлагала на второго наследника немалые надежды. В будущем он, по её мнению, должен был стать императором Византии. И назвали его Константином в честь Константина Великого.

Его венценосная бабка в последний год своей блистательной жизни всё-таки успела женить курьёзного внука, так же как и его послушного брата — в шестнадцать лет — на четырнадцатилетней (конечно, немке) Юлиане Саксен-Кобург-Заальфельдской. И вскоре, к несказанной радости своего сына, злосчастного Павла I, царица скончалась. Однако семейная жизнь у второго наследника сложилась ещё хуже, чем у первого. Он унижал, оскорблял и даже бил свою юную супругу, и та, кое-как прожив с ним три года, сумела-таки сбежать в Швейцарию. (Детей у них, к счастью, не было). А Константин мигом нашёл себе любовницу.

15

В начале января 1825 года штабс-капитан Вятского пехотного полка, квартирующего под г. Тульчиным, Аркадий Майборода был командирован полковником Павлом Пестелем в Москву с заданием получить припасы и деньги. Полгода назад его приняли в «Южное общество», вопреки тому что за капитаном ползла весьма дурная молва. Он был нечист на руку, обирая не только солдат, но и полковую казну. Пестель не мог не знать об этом, и очень странно, что именно этому пройдохе он поручил столь важное дело.

А со временем стало известно, что к концу текущего года глава «Южного общества» предполагал начать вооружённое восстание, без промедления идти походным маршем на Санкт-Петербург, истребить там всю царскую семью и создать из Российской империи республику. И для этой дерзкой, сумасбродной затеи были нужны запасы продовольствия и деньги. Немалые.

Причём фураж и пропитание для солдат должны находиться в тех местах, через которые будут двигаться повстанцы. Городок Тульчин, где квартировал Вятский полк, и тогда, и сейчас, расположен в Винницкой области Украины. От него до Петербурга (по прямой) более тысячи двухсот вёрст! При самом ускоренном марше вначале нужно идти до Киева, потом до Чернигова и далее путь лежит на Смоленск, Псков и Новгород, ежели миновать Москву. Тем самым весь поход удлинится ещё вёрст на двести, а солдаты не смогут одолеть больше тридцати-сорока вёрст в день, при условии сносной погоды.

И вся мятежная экспедиция, с учётом того что солдатам и лошадям необходимо отдыхать, растянется почти на два месяца. А в любых городах и сёлах повстанцев вряд ли станут встречать криками «ура» и обильными столами. Наверняка на всём пути их будут ждать крепкие засады, хорошо вооружённые гарнизоны и даже пушки. Думал ли об этом отчаянный полковник? Никто не знает. Но получив в Москве деньги — шесть тысяч рублей (огромная сумма по тому времени), капитан Майборода их лихо прикарманил. Что с ними случилось потом — проиграл в карты, прокутил или надёжно «заховал» — тоже неизвестно. А фураж и пропитание? Москва — далеко, и оборотистый,

бесстыжий капитан, вернувшись в полк, уверил полковника, что всё заготовлено, как должно, и будет ждать своего часа.

Относительно же денег — пришлось упасть начальнику в ноги и слёзно, чистосердечно покаяться. Как ни странно — Пестель раскаяние принял. Больше того, упросил своих ближайших подчинённых — майоров, капитанов, поручиков и подпоручиков — всего десять офицеров — подписать акт о получении денег. Те согласились. (Не исключено, что он пожертвовал и собственным жалованием). Ещё одна загадка: закрыв глаза на подлый проступок негодяя-капитана, он вынуждает других офицеров участвовать в откровенном подлоге! И невольно думаешь: неужели ими двигало желание угодить главе будущей власти? Ведь они — члены «Южного общества», а Пестель готовился брать столицу.

Аркадий Майборода был уроженцем здешних мест — он родился и вырос в небогатой семье малороссийских православных дворян Кременчугского уезда Полтавской губернии. Когда началась Отечественная война 1812 г., ему исполнилось четырнадцать лет, и в ней он, конечно, не участвовал, но смог поступить на службу в егерский полк. А война, начавшись в России, продолжалась уже за её пределами, и юный Майборода стал прапорщиком, затем подпоручиком, однако в заграничные походы его не брали. Но военная карьера шла своим чередом. Из егерского полка он сумел перейти в гвардейский, где стал штабс-капитаном. А вскоре, в 1822 г. был принят на службу в Вятский пехотный полк под начало полковника Пестеля. Успел жениться и обзавестись семьёй. И вот теперь, после всех мерзких, грабительских проделок, ему нужно было искать спасительный выход. Между тем, в полку появился генерал С. Волконский. Он прибыл в Тульчин не столько по делам службы, а как важный член «Южного общества». И встречи его с полковником носили сугубо тайный, закрытый характер. Но Майборода не мог не знать об этом.

16

В начале сентября 1825 года из хмурого, промозглого Санкт-Петербурга Александр I отправился на юг России. Отнюдь не для того, чтобы всласть насладиться ласковым, южным солнцем. Поездка намечалась для поправки здоровья царицы. Бедняжку, видимо, мучила чахотка, и врачи, как это было принято, советовали ей отправиться «на тёплые воды». Семь же лет назад проездом царь посетил городок Таганрог, и он ему очень приглянулся.

Теперь через две недели он прибыл туда и занял просторный особняк местного градоначальника П. Папкова. Для небольшого, заштатного городка неожиданный приезд императора стал праздничным событием, тем более что он намеревался остаться здесь до зимних холодов. А несколько дней спустя, узнав о прибытии важного гостя, сюда приехал губернатор Новороссии граф М.С. Воронцов и стал просить царя заодно посетить и Крым. Пока Александр не дал ему согласия. Минуло чуть больше недели, и к дому городничего вновь подкатила кавалькада карет. Местные обыватели гадали — кто бы это мог быть?

У фасада одноэтажного большого дома стояла тесная шеренга генералов и высших чиновников. А впереди — сам император. Из роскошной кареты, бережно поддерживаемая под руки двумя камер-лакеями, в закрытом дорожном платье и капоре с просторными полями, спустилась супруга государя — Елизавета Алексеевна (Мария Луиза Августа). «Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная», — так писал о ней Лев Толстой. Генералы и вельможи, кроме царя, почтительно склонили головы. Они знали о непростых отношениях, сложившихся в державной семье. И многолетняя любовница монарха бывшая обер-фрейлина, красавица Мария Нарышкина была известна большинству. Однако Александр расстался с ней навсегда и ныне жаждал загладить все обиды и неприятности, нередко возникавшие между ними с женой.

Супруги провели в мире и согласии почти месяц. Посетили тихий Александро-Невский монастырь, гуляли в тени здешнего городского сада и сада супругов Мартос, разбитого напротив дома городничего, что несказанно умиляло его хозяев и досужих горожан, исподтишка, будто бы невзначай подсматривавших за царской четой. Казалось, что все дразги и попреки остались позади, а впереди — достойная, безгрешная, размеренная жизнь.

Но спустя две недели император вдруг решил побывать в Крыму. Его неуёмная, скитальческая натура не выносила покоя и ожидания. Недаром Пушкин писал о нём: «Всю жизнь провёл в дороге». Вместе с близким окружением царь отправился в нелёгкий путь. Через Перекопский перешеек они добрались до Симферополя. Отдохнули там несколько дней, и Александр решил объехать все примечательные места благодатного края. В сопровождении давнего адъютанта И. Дибича он верхом отправился в необычный путь, а карета с личным врачом неотступно следовала за ними.

Царь повидал живописный Гурзуф, переночевал в шикарном доме герцога Рише-

лье, купленном графом Воронцовым (пять лет назад здесь бывал Пушкин в своей первой ссылке). Затем посетил Никитский ботанический сад, Ореанду, Кореиз, Алупку (у подножия незабываемого Ай-Петри), следом были Байдара, Балаклава. В ней он навестил расквартированный греческий батальон, у комбата позавтракал экзотической крылатой рыбой, потом сел в коляску и поехал в Георгиевский монастырь. Но по дороге пересел на лошадь, не желая надевать шинель. И в одном мундире, несмотря на холодный, насквозь пронизывающий ветер, отправился вверх по горной дороге.

Потом последовал Севастополь, куда монарх прибыл вечером и провёл осмотр морских полков при свете факелов, а утром наблюдал за спуском на воду корабля и посетил лазарет, затем позавтракал с офицерами. Далее были Евпатория и Бахчисарай. Словом, он объехал почти всё южное побережье.

17

Но в столице после отъезда государя жизнь продолжалась, как обычно. Утром 10 сентября 1825 г. на северной окраине Петербурга в Лесном парке флигель-адъютант царя граф Владимир Новосильцев сошёлся в поединке с поручиком лейб-гвардии Семёновского полка Константином Черновым. Отставной подпоручик Кондратий Рылеев был одним из его секундантов. Два года назад Пушкин начал работать над «Евгением Онегиным». Знаменитая сцена дуэли Онегина и Ленского, скорее всего, ещё не была написана, и кто знает — возможно, тот роковой поединок, после которого скончались оба противника, кое-что подсказал поэту.

Хотя причина или повод к трагедии казался до банальности знакомым: 25-летний адъютант императора без памяти влюбился в очаровательную 16-летнюю сестру поручика и сделал ей предложение, та его охотно приняла. А мать жениха (из рода графов Орловых) полагала, что предстоящий брак чересчур унижителен для блистательного, знатного отпрыска. Его избранница происходила из семьи обычных провинциальных дворян, и её единственный сын, так думала графиня, достоин лучшей партии. Помолвка не состоялась. Но старший брат девушки и его ближайший приятель К. Рылеев (оба были членами «Северного общества») восприняли отказ как постыдное унижение, как глумление над искренними, чистыми чувствами юной девушки. А это, как тогда было принято, требовало *сатисфакции*, то есть удовлетворения.

В шестой главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

*То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль картель.
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.*

В истории Чернова и Новосильцева письменного вызова на поединок наверняка не было. Но молодые офицеры, как и литературные герои, были друзьями. А тогдашнее время и сумасбродная мода, к сожалению, довольно часто, но по разным причинам, разводила бывших друзей по разные стороны смертельного барьера. Они не могли, словно простые, задиристые парни, сойтись в кулачном бою. Надлежало следовать чёткому, размеренному ритуалу со свидетелями, исход которого определял многое.

*Но что бы ни было, читатель,
Увы! любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!*

И тому были свидетели, то есть секунданты. В случае с Онегиным и Ленским, поэт ярко и красочно описал одного из них — общего соседа двух друзей, которого знали как:

*Зарецкий, некогда буйн,
Картёжной шайки атаман.*

Именно он вручил Онегину «картель», то есть вызов на поединок. И тот, словно юный пионер, ответил, что он «всегда готов».

В случае с Новосильцевым и Черновым секундантов было четверо — по двое с каждой стороны. Вместе с Рылеевым стоял подпрапорщик Шипов, тоже член «Северного общества». А Новосильцева сопровождали полковник Герман и ротмистр Реад. Замечаете разницу?

*Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развёл по крайний слег,
И каждый взял свой пистолет.*

Потом, по сигналу секунданта, Ленский и Онегин стали сходитьсь, делая по четыре шага каждый.

*Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.*

Потом они сделали ещё по пять шагов, и Онегин выстрелил: «*пробили часы урочные: поэт роняет молча пистолет*». А значит — роковая дистанция составляла *четыренадцать шагов...*

В поединке Чернова и Новосильцева она имела их всего лишь *восемь*. И неспроста — значит, оба противника никак не желали благополучного финала. (А в дуэли Пушкина с Дантесом дистанция составляла двадцать шагов, и барьер стоял на *десяти* шагах). Перед дуэлью Чернов оставил записку: «Пусть паду я, но пусть падёт и он, в пример жалким гордецам, чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души». Ну, что тут скажешь? Возвышенно. Гордо. Непреклонно.

И в роковом поединке погибли оба. Новосильцев был ранен в печень и умер через четыре дня. А Чернов, получив пулю в голову, скончался спустя две недели. Его незабываемые похороны, стараниями тайного «Северного общества», превратились в политическую демонстрацию. Первую в России.

18

Государь возвратился в Таганрог в начале ноября, чувствуя себя не вполне здоровым. Для него самого, его личного врача Я. Виллие и ближнего окружения это недомогание явилось неожиданным и беспокойным событием. Всю жизнь он не страдал никакими хворями, кроме глухоты на левое ухо — результат каприза его отца — Павла I. Приучая старших сыновей Александра и Константина к оружейной пальбе, он ставил их подле пушки, и те подносили к запалу горящий фитиль. Гремел оглушительный выстрел. А следствием сделалось то, что ближайший наследник стал «тугоухим».

Но теперь случилось нечто иное: обессиленный, занемогший царь был вынужден слечь в постель. Дурное ли питание, случайная простуда или кошмарная зараза? Ведь государь изъездил почти весь Крым и подчас пил и закусывал в самых неожиданных местах. В Петербург и Варшаву были срочно отправлены бюллетени о здоровье императора. Но пару дней спустя монарху полегчало. А в это время в Таганрог прибыл начальник южных поселений граф Витт с докладом на тайное «Южное общество», написанным штабс-капитаном Майбородой. И это был не первый тревожный сигнал о существовании подобных сборищ.

Несколько лет назад царю передали доклад библиотекаря Гвардейского Генерального штаба М. Грибовского о деятельности «Союза Благоденствия». Александр внимательно прочёл его, вздохнул и сказал: «Не мне их судить!» Примечательные слова. И многие восприняли их однозначно — государь, повинный (прямо или косвенно) в позорной гибели своего отца, не хочет поднимать ненужный шум. Суд и наказание смутьянов вряд ли будут тайными, скрытыми от любых ушей и глаз. Зачем ему всё это? А в докладе Майбороды значилось:

«Ваше Императорское Величество. Всемиловитивейший Государь!

Слишком уже год, как я заметил в полковом моём командире полковнике Пестеле наклонность к нарушению всеобщего спокойствия. Я понимаю в полной мере сию важность, равно как и Гибельные последствия (*орфография доносителя*), могущие произойти от сего заблуждения и т.п.» Далее штабс-капитан, туманно и велеречиво, сообщает великодержавному адресату, что на юге России давно обосновалось «огромное скопище, имеющее целью преобразование, донныне в нашем отечестве неслыханное».

Затем, кроме Пестеля, в докладе фигурируют и другие лица: «Я укажу место, хранящее приготовленные уже какие-то законы под названием русская правда и много других им подобных сочинений, составлением коих занимаются тут Генерал Интендант Юшневский и Полковник Пестель, а в Петербурге служащий в генеральном штабе Никита Муравьёв». («Беспокойный Никита» — как писал Пушкин).

Это оказалось слишком серьёзно. Генерал, сотрудник Генерального штаба, полковник и «огромное скопище» их сообщников — было от чего потерять самообладание. Выслушав доклад графа Витта, царь, недолго думая, повелел начать расследование. И выявить всех участников будущего мятежа. Тут не могло быть сомнений и угрызений совести — государь готов осудить всех!

10 ноября 1825 г. появился приказ об аресте всех членов тайных обществ. Но четыре дня спустя Александр вдруг потерял сознание. Он в беспомощности метался на постели, бессвязно восклицая: «Чудовища! Неблагодарные!» Потом впал в летаргический сон, следом начались конвульсии и агония. А 19 ноября (по старому стилю) в 11 часов утра император скончался.

*Клянёмся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!*

Эти клятвенные строки якобы написаны рукой Вильгельма Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, которого шуточно называли «Кюхлей». (Но кто-то считал, что их автором был Рылеев). Бывший лицеист состоял в «Северном обществе» со дня основания, и теперь вместе с Рылеевым и сотнями других он участвовал в захоронении двадцатилетнего поручика Константина Чернова. Это произошло на скромном Смоленском кладбище Васильевского острова в субботу 26 сентября 1825 года.

Но ничего подобного не только кладбищенские служители, сама столица и все жители Российской империи никогда не видели воочию. Сотни карет с четвернями лошадей, тьма-тьмушка дрожек, полтысячи пеших офицеров, рота солдат, полсотня факельщиков с горящими факелами.

Уже смеркалось, и мятущееся, оранжевое пламя выхватывало из полутьмы хмурые, сумрачные лица. Стороннему свидетелю могло показаться, что он наблюдает даже не похороны, а какую-то всеобщую, глубочайшую скорбь по безвременной утрате выдающегося деятеля отечественной культуры или прославленного национального героя. Столь согласная, безграничная горесть витала над тысячью бредущих в немой печали людей. И Рылеев с Кюхельбекером, шагая в густой, безмолвной толпе, тоже видели всё это и наверняка испытывали удовлетворение. А вместе с ними шли почти все участники «Северного общества», однако на многих лицах вовсе не было удручающего уныния. Скорей, наоборот.

Известный литератор Бестужев (Марлинский) гордо твердил Батенькову: «Это демократическое торжество!» Тот молча кивал. «Напрасно полагают, будто у нас нет общего мнения! Вот оно!» — не умолкал уважаемый писатель. В этом едва ли стихийном, внезапном порыве сотен людей, пришедших сюда только затем, чтобы почтить скорбную память отважного поручика, отдавшего молодую жизнь за честь своей юной, невинной сестры — он видел щедрые побеги славного будущего России.

Другой член «Северного общества» Е. Оболенский (один из будущих руководителей декабрьского восстания) тоже заметил: «Всё, что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого». Вот так. И неважно, что в этом жестоком поединке погибли оба.

Смерть одного была горькой утратой униженных, другого — грозным, роковым предостережением всем его собратьям. Вельможам и природным аристократам.

*И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам.
Клянёмся дочерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье!*

Все эти уничижительные, грозные попреки звучали в адрес покойного Владимира Новосильцева, внука графа Владимира Орлова. Но мало кто из провожающих знал, какого рода был несчастный дуэлянт. Один из прадедов Новосильцева — Григорий Орлов — происходил из простых стрельцов и стал участником знаменитого стрелецкого бунта конца семнадцатого века, жестоко подавленного Петром Великим. Последовали казни, в которых погибла не одна сотня мятежников. И юного Гришку Орлова они не минули. В Москве на Красной площади, на лобном месте водрузили дубовую колоду, на которой отсекали головы бунтарям. И вот настал черёд Орлова. Оттеснив подельников палача, пинком откинув голову предыдущего страдальца, он перекрестился и положил свою. Увидев лихую браваду молодого стрельца, царь крикнул: «Этого не трогать!» Отчаянного храбреца поставили на ноги и увели. Пётр сделал из него знаменосца Семёновского полка. Потом Григорий женился, произвёл на свет пятерых сыновей, и старший из них — тоже Григорий — посадил на престол Екатерину II и став её любовником, удостоился титула графа, вместе с братьями. Младший из них Владимир — дед несчастного дуэлянта. Значит, потомственным аристократом его внук, тоже Владимир, не являлся.

А погребли его тихо и незаметно. Неутешная мать перевезла тело сына в Москву и захоронила его на погосте Новоспасского монастыря, возведя на его могиле церковь. И никаких демонстраций при этом не произошло. А те, кто в ней недавно участвовал, на самом деле присутствовали на репетиции грядущего дерзкого восстания, сами того не подозревая. Как и предполагал Е. Оболенский — «здесь соединились все, кто со-

знательно, кто бессознательно выразил собою общую идею». А какова она — эта идея — об этом знали немногие.

20

Однако скоропостижная кончина императора, как ни странно, расстроила все планы революционеров. Один из руководителей «Южного общества» М. Бестужев-Рюмин вынашивал благодушные планы: *«Наша революция будет по добной революции испанской (1820 г.) и не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведётся одной армией, без участия народа»*. Но каким же образом всё случится?

Очень просто: в августе 1826 года Александр должен будет принимать военный парад. И во время этого парада, как рисовал Бестужев, *«решится судьба деспотизма, тогда ненавистный тиран падёт под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдём на Москву, провозглашая конституцию»*. А конституция, по уверению И. Горбачевского, «получившая одобрение многих знаменитых публицистов — английских, французских и германских — принят была единодушно членами Южного общества».

Тем не менее большинство членов тайного общества усомнились в успехе будущего ошеломляющего предприятия. Вдруг их никто не поддержит? И хватит ли у них сил для всего этого?

«Для приобретения свободы, — вскричал Бестужев (писал И. Горбачевский), — не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принуждения, — нужен один энтузиазм. Энтузиазм, — продолжал он в исступлении, — пигмея делает гигантом, он разрушает всё, и он создаёт новое!»

До боли знакомые слова, не так ли? «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» (Ну, и далее). И вдруг «ненавистный тиран» уходит из жизни сам, безо всяких героических, самоотверженных жертв. Что делать? Как быть? В растерянности пребывали не только будущие декабристы, в самых верхах тогдашней власти царило смятение и полное расстройство.

Согласно указу сумасбродного монарха Павла I, власть должна перейти ко второму наследнику — Константину (ведь Александр не имел сыновей). Но Константин, будучи наместником Царства Польского, проживал в Варшаве и женился на польской графине. *C'est nonsense!* Его старший брат в 1823 году написал завещание, и кому он передавал престол — известно было немногим.

Казалось бы, всё должно произойти безболезненно и в срок — согласно воле почившего императора. Но известие о его смерти пришло в Петербург неделю спустя, когда в Александро-Невском соборе шёл молебен «За здоровье императора». Вот это и вправду «нонсенс». Однако присутствовавший на службе царевич Николай мигом нашёлся и, тут же присягнув второму брату — Константину, отдал приказ приводить к присяге войска.

Но в этот же день собрались члены Государственного совета и вскрыли манифест от 1823 года, а в нём значилось, что вся власть переходит к третьему наследнику — Николаю. И вместо того, чтобы подчиниться воле усопшего императора, тот решительно воспротивился. А для «спокойствия государства» призвал совет, сенат и синод «принести присягу Константину I». Все подчинились. Три дня спустя Константину присягнули дворяне Москвы, а в Петербурге присягу отложили на две недели.

21

Чрезвычайно странная ситуация, не правда ли? Почему Николай отказался занять престол? То ли не хотел обидеть брата, старшего по рождению, то ли опасался принять на себя все заботы и тяготы по управлению огромным государством? Но самое интересное: о завещании он, оказывается, знал! Сам Александр несколько лет назад сообщил ему, что Константин ни под каким видом не пожелал наследовать трон. Что было тому причиной — неизвестно. Однако же это известие отнюдь не привело в восторг третьего сына Павла. Больше того, в своих записках годы спустя Николай искренне делится тревогами, которые он переживал, услышав эту новость. До того времени ему казалось, что он *«идёт по дороге, усеянной цветами, и вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться»*. Ничего себе! В подобной ситуации любого неудачника можно пожалеть или хотя бы посочувствовать несчастному.

А в северной столице — Санкт-Петербурге — началось брожение. Подобное происходило не однажды: после кончины Бориса Годунова, смерти Петра Великого, его жены Екатерины I, племянницы Петра Анны Иоанновны... Но никогда не случалось столь долгого периода безвластия. И этим было грех не воспользоваться, вот только кому?

Все власть предрежащие — не один Николай, но и его ближайшая свита, то ли по недомыслию, то ли от испуга, никак не решались занять чёткую, ответственную по-

зицию: поддержать нового кандидата на престол или открыто ему препятствовать. Константин категорически отказался прибыть в Санкт-Петербург и своё отречение подтвердил в письме к Николаю и к председателю Государственного совета. Тянуть время стало чересчур опасно. И вечером 12 декабря М.М. Сперанским был составлен «Манифест о восшествии на престол императора Николая I». А новый царь утром следующего дня зачитал его на заседании Государственного совета. И присяга ему была назначена на 14 декабря

Как ни странно, но и желавшие непременно свергнуть эту власть тоже почему-то не спешили. Хотя вся обстановка казалась вполне благоприятной. Оставалось только гадать — возможно, у них не хватало сил или не было продуманного, безупречного плана? Однако всё дело, как ни странно, таилось в распределении ролей — кандидатов на главу мятежа намечалось несколько: полковник С. Трубецкой, поручик Е. Оболенский, подпоручик К. Рылеев. Будучи военными людьми, они, вольно или невольно, преклонялись перед чинами и званиями. И Трубецкой, как видно, более всех соответствовал этому назначению. К тому же он в своё время возглавлял «Союз спасения», потом «Союз благоденствия» и стал одним из основателей «Северного общества». Теперь, хочешь не хочешь, но полковнику пришлось возглавить мятеж, поскольку он был избран диктатором.

Вечером 12 декабря на квартире у Рылеева (он занимал целый этаж в Российско-американской компании, которой управлял граф Н. Мордвинов — бывший морской министр) собрались все главные руководители восстания. По всей вероятности, продуманного и чёткого плана у них не было, но терять благодатное время безвластия казалось недопустимым. Пришлось делать всё «с ходу» и «наобум», а там — как получится!

Трубецкой, которого поддержали Рылеев и Батеньков, предложил воспользоваться неурядицей, царившей в верхах. Если сам Николай и его окружение упорно ратовали за избрание Константина — пусть так и будет. В назначенный день к зданию сената отправится полк солдат, готовых ему присягнуть, по пути с ними сольются другие, а там все дружно откажутся от присяги Николаю. Верховная власть окажется в полной растерянности, и можно будет диктовать ей свои условия.

Но и приблизительного плана организаторам мятежа показалось недостаточно. Решили собраться ещё раз, уже на квартире князя Оболенского, чтобы решить судьбу Николая. Как поступить с ним после победы восстания? Оставить в живых или... На его кончине настаивали Бестужев и Оболенский. Глава восстания Трубецкой вначале колебался, потом согласился. А на следующий день должно было состояться и самое главное событие.

22

Император Николай I в державной форме и с голубой лентой через плечо, настаивая указательный палец против лба полковника, гневно воскликнул: «Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией вошли в такое дело! Гвардии полковник! Князь Трубецкой!.. Как вам не стыдно быть вместе с этой дрянью? Ваша участь будет ужасной...» (С.П. Трубецкой, «Записки»).

Это происходило в Зимнем дворце, в кабинете императора, куда ранним утром 15 декабря привезли Трубецкого. (Он находился у тещи). Сам же Николай стал законным государем сутки назад, утром понедельника 14 декабря 1825 года. Ещё накануне всего свершившегося. В здании сената ему присягнули Государственный совет и члены сената. За окнами стояла ночь. И почти до полудня ничто не предвещало той поистине кошмарной трагедии, которая в будущем войдёт не только в стихи, песни, драмы, кинофильмы, учебники истории, но и станет наглядным уроком для будущих бунтарей-революционеров. Казалось, ничему ужасному не бывать. «*Но дело их не умрёт!*» — предвещал будущий главный вождь мирового пролетариата.

А сами участники мятежа стали подтягиваться на Сенатскую площадь к 11 часам утра. Вначале подошёл Московский лейб-гвардейский полк в числе 800 солдат. К нему присоединились части 2-го батальона Гренадёрского полка и матросы Гвардейского морского экипажа. Все вместе представляли собою силу примерно в две с половиной тысячи человек. И на площади появились уличные зеваки, чего раньше почти не случалось. Ведь до сего времени петербуржцы ничего подобного не видели. Конечно, были и плац-парады, и демонстрации, ими до одури увлекался покойный император Павел, только это происходило в летнее время. Но чтобы зимой, в холодный, промозглый день подле памятника основателю Санкт-Петербурга выстроилось угрюмое, безупречное, безмолвное каре из сотен военнослужащих в парадных мундирах — такое случилось впервые.

И самое интригующее — солдаты и матросы, замершие в суровом строю, казалось, бросали грозный, неумолимый вызов — нет, не окружавшим их праздным ро-

тозеям, а верховным властям, являя собой неустрашимый, доселе небывалый, самоотверженный протест. И власти, наконец, заметили это. В сенате и Зимнем дворце началась паника.

Будущий же диктатор князь Трубецкой, должный возглавить это показательное возмущение и повести всех бунтовщиков за собой, по слухам, находился в Главном штабе, иногда появляясь наружу. Не привлекая к себе внимания, он издали поглядывал на каре смутьянов, а потом отправился в гости к теще...

Зеваки, стекающиеся на площадь и тут же сгрудившееся в тесные кучки, не смотрели по сторонам. Всё их внимание сосредоточилось на молчаливых солдатах, стоявших по стойке «смирно». И это стояние казалось неспроста — даже у самого жалкого бродяги и отпетого прощелыги на языке вертелся вопрос: чего они ждут? Или кого?

Час спустя большинство всё-таки смекнуло: это безмолвное, отчаянное выжидание вокруг памятника царю Петру, сидящему на вздыбленном жеребце — было дерзким, непримиримым вызовом новому монарху. Сможет, наберётся сил и отважится ли он ответить на него?

А второй глава мятежа — К. Рылеев — по всей видимости, тоже пребывал недалеко. Во всяком случае, об этом есть заметки многих участников. Вот только где он был и чем занимался? Кто-то утверждал, будто вдохновитель мятежа безуспешно искал Трубецкого, а другие сообщали, что у бедного поэта мучительно болело горло, и ему пришлось остаться в апартаментах Российско-американской компании.

Так это произошло или нет — сказать наверняка уже невозможно. Хотя находятся и категоричные, и хитроумные головы, которые утверждают: и Трубецкой, и Рылеев — жалкие предатели и трусы, либо изошёренные негодяи, изначально планировавшие «подставить» властям отважных, героических бунтарей, будто бы желавших блага своему Отечеству... Но вряд ли так было на самом деле, хотя всё произошедшее не говорило об обратном...

Солдаты и матросы не должны были часами выстаивать на Сенатской площади, ожидая «незнамо чего». Совсем наоборот: ведомые капитаном Нижегородского драгунского полка А. Якубовичем, они обязаны были взять штурмом Зимний дворец. А поручик П. Каховский намеревался пробраться внутрь и убить новоявленного царя. Но этого, как известно, не случилось.

И после нескольких часов мучительного и тяжкого ожидания император Николай I и его ближайшее окружение всё-таки отважились ответить на небывалый вызов. К мятежникам отправился прославленный боевой генерал Михаил Милорадович, явивший свою безграничную отвагу в Отечественную войну 1812 года, а ныне бывший генерал-губернатором северной столицы. Его искренне, бесконечно уважали все солдаты, знавшие и видевшие генерала в кавалерийских атаках, когда он на полном скаку врвался в ряды французских драгун и яростно крушил их палашом. И вот он, в шинели нараспашку и парадном мундире, с орденами, аксельбантами и эполетами, верхом на чистокровном, лихом жеребце неспешно приблизился к передовой шеренге угрюмого каре.

У насквозь промёрзших солдат в глазах неожиданно засветился интерес, а лица у некоторых даже тронула улыбка. Ну, ещё бы! Многие впервые увидели прославленного генерала так близко и невольно оживились. А для вынужденных предводителей бунтовщиков — Е. Оболенского, А. Якубовича и П. Каховского — это стало тревожным сигналом.

«Служивые! — обратился к солдатам генерал. — Я понимаю вас! И разделяю ваше недовольство, — он ткнул себя рукою в грудь. — Я сам хотел исполнить присягу nasledнику Константину, — генерал вздохнул. — Но долг и Родина призывают...»

И тут из рядов мятежников вышел гвардейский поручик Е. Оболенский, возглавивший восставших вместо не явившихся С. Трубецкого и К. Рылеева. Он дал знак славному генералу прервать речь, но тот и не подумал.

«Солдаты! — продолжал Милорадович. — Оставьте...»

Оболенский выхватил у правофлангового ружьё с примкнутым штыком и ударил генерала в левый бок. Тот сидел довольно высоко на статном жеребце, и трёхгранный штык пробил ему шинель и мундир, но не вошёл глубоко в тело, и Милорадович смог удержаться в седле. Из толпы зевак, шпалерами стоящих на площади, раздалось сочувствующие вопли. Все явно жалели знаменитого генерала, получившего подлый, предательский удар. А на подмогу к Оболенскому бросился П. Каховский с пистолетом в руке. Прозвучал выстрел. Отважный генерал был смертельно ранен в спину.

Ну, а дальнейшие события многим давно известны. Окружённые кольцом царских войск, вчетверо происходящим число бунтарей, они были обречены. Началось безжалостное, ожесточённое противоборство. Оно растянулось на несколько часов, вплоть

до темноты. И с обеих сторон кипела перестрелка. Дважды осаждённым удалось отбить атаку конногвардейцев под командой генерала А.Ф. Орлова (брата М.Ф. Орлова, предлагавшего заговорщикам печатать фальшивые ассигнации). Царь Николай и его младший брат Михаил, по мере сил, пытались возглавить верные себе войска и одержать верх над смутьянами.

Затем в затянувшуюся перепалку вступила артиллерия. Вначале над головами бунтарей прогремел холостой залп — они ответили на него дружным ружейным огнём. Но следом загрохотала беспощадная, прямая картечь, и в рядах крамольников появились раненые и убитые. И тут страх одолел даже самых отчаянных, безрассудных смельчаков. Побросав ружья, все кинулись врассыпную на близкую Неву, сплошь одетую льдом. Кто-то пытался перебежать на Васильевский остров. Вслед им гремели выстрелы карателей, и на льдистый саван реки валялись десятки трупов. Всех жертв — солдат с той и другой стороны — пало около сотни человек. А вместе со случайными жертвами погибших насчитали до двух сотен.

И с раннего утра следующего дня начался поиск и задержание всех явных и тайных участников неудавшегося переворота. Было схвачено и арестовано более тысячи мятежников. Главных из них заточили в Петропавловскую крепость. Затем начались долгие, изнурительные допросы и суд. Наиболее активных и деятельных руководителей приговорили к смертной казни.

П. Пестель, К. Рылеев, М. Бестужев-Рюмин, С. Муравьев-Апостол, П. Каховский были повешены. Кстати, Пестеля арестовали одним из первых, ещё до начала декабрьского восстания. Его доставили в столицу накануне. (Доносы Майбороды и Шервуда оказались кстати). А Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, поднявшие восстание в Черниговском полку спустя две недели после трагических событий в Петербурге и захватившие вначале г. Васильков, под Белой Церковью были окружены и взяты в плен. На что они надеялись и чего ждали от своего романтического порыва — трудно сказать.

Известно, что десятки заговорщиков отказались от участия в восстании. А кто-то мигом отрёкся от своих взглядов и намерений. Понять и объяснить поступки некоторых теперь не под силу даже профессиональным историкам. Почему Трубецкой не возглавил бунтарей? Это стоило ему сибирской ссылки. А неявка Рылеева закончилась его позорной казнью.

С течением времени многое изменилось до неузнаваемости. Бывшие самоотверженные герои и несокрушимые патриоты неожиданно обратились в тайных осведомителей и коварных подстрекателей. А юные романтические бунтари, бездумно, отчаянно бросавшиеся на штыки, под ружейные и орудийные залпы, сплошь заполнили экраны телевизоров и кинотеатров...

И невольно думается — кто или что заставляло их безрассудно жертвовать своими молодыми жизнями? Во имя чего они, вопреки всем сомнениям, колебаниям и страхам, стремились уйти в небытие? Неужели им и вправду верилось, что с шумной кончиной гарантировано бессмертие и вечная слава?

Ещё в 1818 году девятнадцатилетний Пушкин в стихотворении «К Чаадаеву» писал:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим,
Души прекрасные порывы!*

*Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Из последних строк ясно: себя и своего героя, которого поэт в другом своём стихотворении именовал Брутом и Периклом, он представлял как прозорливых глашатаев будущей свободы, которая придёт после краха самодержавной власти. Но в декабрьском вооружённом восстании оба они участия не принимали. Пушкин, как мы знаем, прослышав о готовящихся событиях, оседлал коня и незаметно выбрался из своего имения Михайловское, однако при выезде (вот незадача!) дорогу ему перебежал заяц, и поэту... пришлось вернуться.

А Чаадаев, выйдя из «Союза благоденствия», совсем отошёл от тайных заговорщицких сходов и прожектов. И годы спустя с горечью признавал: «*Восстание декабристов отодвинуло нацию на полвека назад*».